

Комбат Найтов

Ведунья
пятого
измерения

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Ведунья пятого измерения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69728050

Аннотация

Героям этой книги пришло в голову много замечательных идей, но главное ими была открыта продовольственная программа для жителей далеких Андаманских островов. Бедных и вечно голодных жителей решили подкормить «чубайсами», «мечеными» и «борисками». Причем, еще во втором веке от рождества Христова.

70-е года прошлого века дали человечеству много новых понятий. В это время были разработаны ОМЕГА (N) системы. Именно в Советском Союзе. Математические модели N-мерного пространства, дающие возможность путешествовать во времени. Доводилось иметь дело с девушкой-физ. математиком, которая реально нащупала модель такого N-пространства. Она жила в Пушкине, и мы некоторое время общались. Потом она исчезла (пропала без вести), еще в советское время. Теперь, много лет спустя, мне, кажется, стало понятно то, куда ведут следы.

Содержание

Ведунья пятого измерения	4
Глава 1. Ведунья на пороге	4
Глава 2. «Вот новый поворот, и мотор ревет, что нам несет?»	25
Глава 3. Дела служебные, и не только	50
Глава 4. В дальнем походе	84
Глава 5. Неожиданный поворот событий	122
Глава 6. Активная часть экспериментов	137
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Комбат Найтов

Ведунья пятого измерения

Ведунья пятого измерения

Глава 1. Ведунья на пороге

– Разрешите? – послышался женский голос, только что объявили «белый танец», правда, главного корабельного старшины это никаким боком не касалось: его прихватили за 10 минут до того, как начались танцы в клубе, когда он закончил писанину в баталерке, где он собственно и обитал, будучи старшиной 130-й роты, и он собирался быстренько слянуть в увольнение, но на выходе из «нового корпуса» его остановил дежурный офицер по факультету. Теперь в увольнение можно будет выйти только после того, как закончатся «пляски с бубнами и „крокодилами“». Он повернулся на голос, чуть приподнял правую руку в локте, показывая синюю с белой полосой повязку «Рцы». Перед ним стояла темно-русская девушка, высокая, с шикарными волнистыми, длинными, ниже пояса, волосами, которые были украшены небольшой диадемой. Левой рукой он указал на повязку.

– Извините, я на службе. – тихо ответил он, обижать де-

вушку отказом он не собирался.

– Да иди-иди, потанцуй, старшина, только повязку сним. – сказал стоявший рядом капитан-лейтенант Кожевников. А как танцует эта девушка старшина видел: она – профессионалка. Кто-то, видимо, ее специально подослал, в роте все знали, что он на танцы никогда не ходит. Пришлось тряхнуть стариной и вспоминать чему их учили в «питонии». На них обратили внимание, и через некоторое время лишь три пары остались в круге: у двух других пар так не получалось, но они обращали внимание только на себя.

– А мне говорили, что Вы не танцуете! У нас отлично получается, Сергей. – сказала девушка, когда оказалась почти вплотную к нему в ходе исполнения танго. Во время повтора старшина парировал сказанное:

– Оказывается, Вы меня знаете, а я вас – нет.

– Это не совсем так, мы с Вами знакомы. Помните Новый Год-71?

– Нет, не очень, мне тогда все очень быстро не понравилось, особенно «игра в бутылочку».

– Я тогда крутила эту бутылочку, и она показала мне на вас, но вы развернулись и ушли, отказавшись целоваться со мной и пригласить меня на танец.

– Вас я не запомнил, меня «игра» не устроила.

– А почему вы только на третьем курсе, ведь прошло столько лет?

– Да, прошло шесть лет, два из них я провел в Литве и

Средней Азии. Сюда поступил во второй раз.

– Меня зовут Ника, Вероника. За шесть лет Вы не слишком выросли в званиях, тогда у вас было три полоски на погончиках и буква «Н».

– У Вас хорошая память, да, я был вице-старшиной. Но то звание было не настоящее, не воинское. – музыка закончилась, он собирался проводить девушку до ее места в зале и вернуться к капитан-лейтенанту, но Ника продолжила разговор:

– Я тогда, как и сейчас, специально приходила на тот Новый год к Насте, чтобы познакомиться с Вами, Сергей. А три дня назад увидела Вас в патруле на Театральной площади, и решила зайти сюда на танцы. По-другому в училище не попасть.

– Вы бы напрасно потеряли время, я никогда в клубе не бываю, сюда меня Кожевников притащил.

– Это – мой брат.

– Ах вот в чем дело! А я думаю: почему он вдруг меня взял и отпустил «потанцевать». Профессиональная засада.

– Ну, насколько я поняла: танцы вы не любите.

– Да, ни танцы, ни песни, ни музыку, хотя закончил пять классов и коридор музыкальной школы. И хорошо знаком с «особенностями» Вагановского училища, как-никак они были нашими шефами.

– Настя мне о вас много рассказывала, мы были подругами.

– Были?

– Настя сейчас живет в США, стала «невозвращенкой», вышла там замуж и бросила сцену. Я сцену тоже бросила, но совершенно по другой причине: не хотела жить так, как предписывалось. Давайте подойдем к Егору, может быть, он нас отпустит погулять, если вы не возражаете. – девушка повернулась, чтобы пройти к углу, где стоял ее брат, и, подойдя, не дала Сергею даже открыть рот. Она лучше знала своего брата. Насколько Сергей понял, в их семье младшая сестра была доминантой, так как в кармане у капитан-лейтенанта оказался его отпускной билет. Но в роту все равно пришлось зайти, чтобы надеть бушлат и «слюнявчик» к нему. Снег уже сошел, форма одежды № 4, и, хотя его не слишком привлекало общение с «балериной», но все равно это несколько лучше, чем еще два часа топтаться в зале среди духоты, запаха пота танцоров и наблюдать за поведением курсантов. Они встретились с девушкой перед КПП, и, козырнув дежурному мичману, вышли на Морской переулок. Уже вечер, хотя еще довольно светло, вечная проблема: куда пойти бедному курсанту?

– Направо или налево? – поинтересовался он у девушки. Единственное кафе, в которое можно было попасть в это время, находилось на углу Советского переуллка и проспекта Москвиной. И кофе там был всегда хороший, они «доставали» его в порту, зеленым, как только его доставляли из разных стран. Тамара-бармен обожала арабику, и варила

«для своих» действительно хороший кофе. В том направлении они и пошли. Говорила, в основном, Ника, все, сказанное ею, касалось дел давно минувших, оказалось, что после окончания Вагановки ей хватило одного месяца кордебалета в Кировском театре, чтобы забрать оттуда документы и поступать на физический факультет ЛГУ. Причем училась она в той же группе, что и его бывшая одноклассница и, так сказать, первая любовь, но к этому времени Таня уже сменила фамилию и переехала в Гатчину.

– Кофе будете? – спросил девушку Сергей, показывая на дверь знакомого кафе.

– Там, наверняка, народу полно... – неопределенно ответила Ника, но Сергея здесь хорошо знали в лицо, поэтому их беспрепятственно пропустили, вначале расположив их за барной стойкой, а затем предоставили место в самом углу, где был столик на двоих. Он не стал говорить ей о Татьяне и ее муже, но по отдельным фразам понял, что и там Ника интересовалась им, но Таня жила в общежитии, а Ника – в Питере, мотаясь на электричке до станции Университет шесть раз в неделю, плюс еще полчаса на метро до Балтийского вокзала, так что много они не контактировали и незачем было отыскивать новых «старых знакомых».

– А здесь уютно. – заметила Вероника. Кафе было «курящим», но вентиляция прекрасно справлялась с дымом сигарет посетителей.

– Вы же уже закончили учебу, насколько я понимаю?

– Да.

– И куда распределили?

– Место учебы и работы практически не поменялось: НИ-ФИ, это тоже в Старом Петергофе, напротив учебного корпуса. Продолжаю учиться в аспирантуре и работаю младшим научным сотрудником.

– Я хотел учиться в ФизТехе, на «летательных аппаратах», но завалил собеседование.

– Я знаю, мне рассказывала об этом одна Ваша знакомая, мы с ней в одной группе учились, весь первый и второй курс сидели рядом во всех аудиториях. И о том, что из училища вы ушли и служите где-то в Чирчике, в каком-то «спецназе».

– Не в самом Чирчике, в Азад-Баше, но это недалеко от Чирчика. И она не говорила, что я вернулся и поступил снова во ВВМУПП?

– К тому времени мы несколько разошлись во взглядах на жизнь и практически прекратили общаться. Плюс она из нашей группы ушла, переключившись на физику твердого тела, так как попала на практику в «Азимут», где «заболела» гироскопами. В принципе, наша группа как-то сама по себе распалась, так как почти каждый нашел себе тему и ушел в нее. Меня, лично, интересует пятимерное пространство, я пишу на эту тему у Ладыженской, хотя... Ладно, не будем об этом, это, по-моему, совсем никому не интересно. А почему Вы вернулись в подплав, ведь Вам там не понравилось, вы же ушли сразу, через месяца два после поступления?

– Почему вернулся? Трудно сказать, понял, что напрасно теряю время, продолжая служить срочную, а единственная возможность хоть немного сократить срок службы – это поступить в военное училище, тем более, что моим родителям не слишком понравилось, что я оставил училище и «остался без образования». Службу в спецназе ГРУ они профессионально не считали и считать не хотели. А я там неплохо продвинулся по службе: стал командиром группы. В общем, приехал отец и буквально настоял на том, чтобы я подал рапорт с просьбой направить меня на вступительные экзамены. Я понял, что если я откажусь, то меня отец «внесет в черный список», поэтому написал его. Удалось выкроить время, чтобы подготовиться, мою группу отправили на хозработы на завод железобетонных изделий. Там был весь день свободным, а учебники привез отец за два месяца до этого. Я ведь последний год, когда учился, в основном спортом занимался, а не учебной. Пришлось сменить ориентиры. Да и экзамены мне показались даже чересчур легкими. Сдал на все «пятерки», так что никаких проблем с поступлением не было. Сразу стал старшиной роты, затем полгода «баталером», это на первом курсе, после сдачи первой сессии сделали вновь старшиной. Сейчас предстоит «большая плавательская практика», там посмотрим: что, как и почему. Обещают отправить на Север, в 7-ю дивизию. Хочется посмотреть на авианосцы.

– Почему именно на авианосцы?

– Наши лодки предназначены для борьбы с авианосными

группами.

– Будущие цели?

– Кто у кого будет целью – еще не совсем понятно. Давайте не будем о грустном. Самому хочется посмотреть и понять: где я нужнее. Я хотел конструировать такие ракеты, но жизнь распорядилась так, что мне предстоит их обслуживать, и, может быть, пускать, в том числе, и по противнику.

– Вам не нравится это вероятное действие?

– Мне не нравится совершенно другое, но это не тема для разговоров в кафе.

– Я Вас поняла. – ответила девушка, и разговор затих. Каждый из них пытался найти иную тему для продолжения разговора. Хотя сам Сергей уже отчетливо понял, что общих точек соприкосновения нет и быть не может. Поэтому спросил:

– А чем вызван такой интерес к моей скромной фигуре?

– Во-первых, мы достаточно давно не виделись, а воды утекло много. – судя по быстроте ответа, он был заготовлен заранее. – Во-вторых, еще в 9-м классе ЛХУ Вы меня очень сильно удивили и обрадовали.

– Чем это?

– Тем, что отказали Насте. Она более полугода доказывала мне, что все «мужики» одинаковые, им требуется только одно. Она на спор вызвалась переспать с Вами, якобы недотрогой и любящим другую, незнакомую нам, девушку. И проиграла этот спор. Я не знаю: знаете ли Вы, что шестеро нас,

девчонок, находились в соседней от вас комнате, в соседней квартире, эта квартира тоже Настиных родителей. И там есть возможность слышать все, что происходит в той комнате, в которой находились вы с ней. Мы все слышали.

– Кошмар! Этого я не знал, поэтому в словах и выражениях не стеснялся. Знал бы: такого не говорил.

– Это была всем нам наука, но... Вы правильно заметили, что путь на ведущие роли выслан далеко не розами. Я вовремя это поняла. Здесь, правда, надо отдать должное нашему с Егором отцу, да и пример мамы и отчима просто стоял перед глазами. Мама моя заканчивала ЛХУ в 50-х. Сама она из Перми, поступала в училище там. Меня она, кроме как на сцене, не видела.

– Матери всегда знают все, что нужно их детям. Меня видели великим музыкантом, чтецом и актером. И пять лет мучили в музыкальной школе. Слух у меня был, и есть, но желания исполнять что-то на сцене никогда не было.

– Но вы же пели и играли, тогда в 1971-м. Кстати, довольно неплохо.

– Это – не профессия для мужчины. Папа у меня – военный, летчик-истребитель.

– А он как относится к музыке?

– Он ни на одном инструменте играть не умеет, любит рисовать. Сестра моя стала членом Союза Художников СССР, четыре года назад, еще когда училась. Училась рисовать у отца. Меня тоже пытались научить это делать, но для это-

го требуются совершенно другие навыки, чем у меня есть. Мелкая моторика и я – совершенно не совместимы.

– Даже так?

– Левую руку я сломал в детском саду, а правую ладонь прижало страховкой в горах в 13 лет. Так что, не мое. И мне больше всего нравились самолеты и ракеты.

– А почему тогда военный флот?

– Это не я, это медики так решили: мне поставили «Годен без ограничений», но обещали списать через 5 лет после начала полетов из-за травмы. Так что, выбрал то место, где могу служить долго. Дядя мой – подводник, второй дядя – танкист, для танков я великоват по росту.

– Меня тоже сто раз грозились отчислить из ЛХУ из-за моих 178 сантиметров. И постоянно говорили о том, что прямой мне не быть, так как тягать такую тушу никто не сможет. Кордебалет был для меня единственным местом на сцене, вот я и ушла в физику.

– Но Вы так и не ответили на вопрос.

– Почему такой интерес? Увидела Вас в среду, что-то такое всколыхнулось, сама не пойму. Создала себе кумира, с которым даже не была толком знакома. Ленточку Ленкома я хорошо знаю, Егор там учился и там теперь служит. Спросила у него. Он ответил, что есть такой: отличник, ленинский стипендиат, очень серьезный парень, воевал, холост и на очень хорошем счету в училище. Вот и попросила познакомиться. Что-то не так?

– Да нет, просто воспоминания о Насте мне неприятны. Меня туда, на эти шефские встречи, чуть ли не силком тащили, еще и ротный лично направлял, чтобы детишки не шалили и не пили ведрами. И не угодили в комендатуру. А девицы там были весьма своеобразные, мягко говоря.

– Это – да, особенно те, кто жил там. Это – та же казарма. Ну, общежитие. Я сама – питерская, с Петроградки.

– Ладно, много кофе вредно для здоровья, даже если он такой вкусный, как здесь. Вас проводить, тем более, что мне тоже на Петроградку, на Бармалеева?

– У вас там девушка?

– Нет, я там снимаю комнату у знакомых альпинистов и собачников, чтобы иметь возможность хоть немного отдохнуть от своих обалдуев в роте. Мне в училище надо быть только в понедельник утром.

Метро было рядом, прямая линия, через пятнадцать минут они вышли на Петроградской, но расстались только около двух часов ночи у подъезда дома, в котором жила Ника, на Большом проспекте. Бродили по набережным, заглянули на Крестовский, разговаривали и знакомились друг с другом. Добравшись к себе Сергей отмахнулся от вопросов Андрюхи и его супружницы, и завалился спать, не совсем себя понимая: зачем было бродить среди ночи с почти незнакомым человеком? Пока большого интереса у него она не вызвала. Свалив все это дело на выпитые три чашки кофе, он укрылся одеялом и через пару минут уснул. Телефона у него не было,

а девушка своего не дала, впрочем, он ее об этом и не просил. Утром убежал на физзарядку, затем уехал в Лисий Нос на прыжки в аэроклуб. Вернулся оттуда поздно, а утром требовалось ехать в училище. В метро, как бы случайно, почти столкнулся с Никой, которая спешила на Балтийский, чтобы попасть на работу. Позже он понял, что его просто ждали на другой стороне Кировского проспекта у входа в метро. Форма у него заметная, поэтому увидеть его можно было заранее, и не торопясь войти в метро вместе с ним. Пока ехали, с пересадкой на Технолушке, ему передали городской и рабочий телефоны, и попросили не пропадать. В следующую субботу, едва выйдя за проходную КПП, он увидел Нику, стоявшую на тротуаре на углу Лермонтовского проспекта.

– Ездила на консультацию в Петергоф, решила дожидаться Вас или брата, чтобы ехать домой не одной. Меня допустили до предзащиты. Очень хотелось поделиться этой новостью с Вами и с братом.

– Он с Вами не живет?

– Я же Вам рассказывала, мама с папой нас разделили, Егор выбрал папу, чем, наверное, осложнил ему жизнь после развода, а я тогда еще не имела права выбирать. Папа и Егор жили на 5-й Красноармейской, а мы с мамой на Большом, хотя раньше это была квартира папы. При разводе они поменялись жильем. Если хотите, мы можем зайти к папе. Здесь рядышком и по дороге. Вы с ним знакомы? Он преподает на кафедре «теории устройства».

– Да, с Федором Михайловичем я знаком. – ответил Сергей. «Интересные у нее связи с училищем» – подумал он. С этой кафедрой, с ее помещениями, было столько воспоминаний! Её почти два года ремонтировали и обновляли, это давало возможность будущим лихим подводным асам незаметно и не совсем вовремя покидать, и возвращаться в родные пенаты, минуя единственную проходную училища, если не считать ворот на Дровяную улицу. А там свой мост через Обводный и полная свобода! Ему самому пришлось больше ловить незадачливых курсантов, хотя пару раз приходилось и самому пользоваться этим входом-выходом в училище. Они вошли во двор на углу Якобштадского (Троицкого) переуллка и 5-й Красноармейской, поднялись на второй этаж, и Ника несколько раз провернула старинный механический звонок, затем покопалась в сумочке и достала оттуда ключи, которыми открыла дверь. Ключи не слишком были совмещены с ее небольшой сумочкой по размерам. В прихожей на вешалке висела пара шинелей с погонами капитана I ранга, две камадки и пара плащей, форма первого и второго срока носки. Внизу стояло несколько пар флотских ботинок. Коридорчик украшал лакированный штурвал и был освещен единственной лампой под бело-сине-красным абажуром в цветах военно-морского флага. Старые, многократно окрашенные, двери были закрыты.

– Разувайтесь, Сергей, папа куда-то вышел или еще не пришел из училища. Проходите вот сюда. Раньше это бы-

ла коммунальная квартира, это была комната мамы, потом здесь жили папа и Егор, но пять лет назад соседи выехали в новостройки, и коммуналку ликвидировали. Папа сделал ремонт в морской тематике. Хотите чаю? И я посмотрю, что есть на кухне, папа сейчас придет, надо будет его и Вас покормить. – сказала Ника, уходя на кухню. Сергей только успел осмотреться и подойти к книжному шкафу, когда услышал, что кто-то открывает входную дверь.

– Кто это тут иллюминацию включил? А, это ты, Никуля.

– Я, папа, я, не шуми, у нас гости. Я все нашла, сейчас ужинать будем. Егор, ты папе еще не говорил?

– Мы поэтому и задержались, заходили в гастроном на 7-й Красноармейской. Мы с Асей уехали, папа и питаться прекратил. – ответил другой голос.

– Вот и не правда, полный холодильник всякой всячины. – парировала Ника, и кивнула головой брату, который показал на курсантский бушлат с погонами главного корабельного старшины.

– Ладно, доча, показывай, что за гость дома? – дверь открылась, первой вошла Вероника, затем начкафедры ТУЖК, а сзади находился недавний командир одного из взводов 15-й роты, выпущенной в прошлом году, теперь старший преподаватель 2-й кафедры.

– Знакомить Вас, наверное, не надо. Зовут его Сергей. Была наслышана о нем еще в Вагановке, лично познакомились неделю назад в училище. Привести его сюда – полностью моя

инициатива. Мадам Ладыженская сегодня допустила меня к предзащите. Всего две недели назад она с треском меня выгнала, когда я принесла ей четвертую часть работы, то есть «выводы». Сказала, что я ни черта не понимаю в неевклидовых пространствах, и вся работа пошла коту под хвост. Для меня эта рецензия была смертным приговором: почти пять лет я убила, чтобы написать первые три части работы, и запорола все, когда не смогла обобщить написанное. Я бродила по городу в поисках тех слов или действий, которые было необходимо предпринять или написать, чтобы спасти положение и диссертацию, но не находила их. Увидела на Театральной патруль, одним из членов которого был человек, сильно напоминавший одного из моих знакомых-незнакомцев, семь лет назад доказавший мне нерушимость тех принципов существования на Земле, о которых говорил мне ты, папа. Мое окружение в то время пыталось их разрушить. Что все взаимосвязи на Земле строятся не на любви, понимании и знаниях, а на половом инстинкте, который только требуется обыграть и обставить. Главная «специалистка» по этому вопросу решила доказать мне это. Сама я ничем не рисковала, к нам, кроме звуков, ничего не доносилось, мы были выгорожены от места проведения опыта, и действия этого человека должны были показать мне и еще одной сомневающейся, что вечен только инстинкт, и мужчина, всего на всего, причесанный, одетый и отлакированный самец. Стоит появиться в костюме Евы, как все это слетает с него, и он

забывает о том, что кого-то любит и, якобы, хранит ей верность. Тогда этот «поединок» выиграл он, оказался выше по развитию и сознанию той самой «кошки, гуляющей сама по себе». Вот найду его, где искать было написано на его бескозырке, выйду за него замуж и буду как за каменной стеной. С твоей, Егор, помощью, я его нашла, мы проболтали до почти трех ночи, гуляя по весенней Петроградской стороне. Он сам попросил меня рассказать о том, почему я считаю, что вопросы пятимерного пространства-времени никому не интересны. И он меня слушал, почти полтора часа. Самое удивительное: он меня понял, и нашел то выражение, которого не хватало в моих выводах: спектр $S_{\mathbb{P}^n}$, как категория спектров, может иметь как положительное, так и отрицательное значение, и полностью удовлетворяет условиям, согласно Джорджу Бордману, доктору топологии. Домой я практически взлетела, думала об этом всю ночь, а с утра забила в читальный зал «Публички». Нашла диссертацию Бордмана, нашла те формулы, которые он применял для расчетов поверхности геоида, и меня чуть не выставили из читального зала, за то, что я прокричала «Эврика!». Главное, можно создавать тома этих спектров, задавать их шаг. Правку сделала за два дня и принесла их Ольге Александровне. Сегодня она позвонила мне ночью, почти в два часа: «Милочка, я Вас не разбудила? Загляните-ка ко мне завтра, с утра, я на кафедре», и повесила трубку. Мы исписали с ней все четыре доски, и не нашли противоречий. «Девочка, ты готова к пред-

защите!» – сказала она, и я буквально полетела на станцию. Очень боялась опоздать к его уходу в увольнение, я не могла сегодня не пригласить его. И вот еще, это приглашение на защиту, которое подписала Ладыженская, я сказала, кто помог мне дописать работу. Сергей, это Вам! Папа, Георгий, вы уж походатайствуйте, чтобы Сергея отпустили из училища 12 мая, это четверг.

Два офицера и старшина-курсант слушали этот монолог стоя, и ни разу не прервали говорящую, хотя щеки самого Сергея покраснели, ему стало совершенно неудобно находиться в этой комнате, очень хотелось быстренько слинять. Методы спектра использовались при создании карты высот для быстрого определения по радиовысотомеру новых, пока непринятых на вооружение, ракет «ЗК10» или «Агат», а рядом стоял старший преподаватель 2-й кафедры, на которой они и изучали эти «объекты». Все о них шло под грифом «три нуля». Хотя ни одного слова о том, где используется эти методы, он Нике не сказал и дал ссылку на открытый источник, в случае, если Георгий Федорович проявит принципиальность, то придется собирать вещички и ехать на флот, немного в другом звании и в какую-нибудь хозяйственную часть, управлять подводами.

– Теперь стало более понятно присутствие старшины на вполне семейном празднике. – резюмировал старший Кожевников. Ракеты – это не его ипостась, Сергея больше интересовало мнение капитан-лейтенанта, но тут он обратил вни-

мание, что на погонах Георгия Федоровича появилась вторая полоса, а четыре маленькие звездочки слились в одну.

– Вас можно поздравить? – спросил он и пожал протянутую кап-три руку. Тот ограничился одним словом:

– Спасибо.

Ужин был довольно долгим, его украсили армянским КВ-ВК коньяком и красным сухим вином. Ника носилась между столовой и кухней, поставляя на стол все новые и новые вкусняшки, иногда привлекая для этого мужчин, но не перегружая их кухонными тонкостями. В перерывах между блюдами мужское население квартиры выходило на небольшой балкончик перекурить, где кап-три Кожевников признался, что очень сожалеет о том, что не сообразил того, что категории спектров могут быть применены в работе сестры.

– Мне совершенно по-другому представлялось пятимерное пространство, и, честно говоря, всю эту тему считал математическим бредом. «Север-Юг», «Вперед-Назад», «Прыжок из колодца». Нащупать: где здесь заканчивается математика и начинается бред сумасшедшего, достаточно сложно, так как сознание наше не позволяет представить себе такое пространство-время, а тебе, Сергей, удалось ввести размерность для оси «омега», причем в течение краткого экскурса в эту тему. Слушай, а ты никогда не задумывался об аспирантуре?

– Мне баталерка и личный состав не дают никакой возможности подумать о чем бы то ни было, кроме этих про-

блем. До училища своим генеральным направлением считал науку, в основном радиофизику, сейчас параметры несколько изменились, ведь, не закончив «вышку», говорить о научных званиях не приходится.

– А мне поставлена задача найти среди личного состава нашего ДОК ¹ несколько человек-аспирантов, так как по нашей кафедре за все время ее существования так никто и не защитился.

– Её курсанты, как черт ладана, боятся, это же – специальность.

– Так тем более должны знать все на зубок.

– Это – чисто теоретически, а практически – сплошные черные ящики, и «не вскрывать». Сиди и думай: что там понапихано, но взять отвертку и заглянуть во внутрь блока не смей, секретно. Вот и приходится курсантам вместо понимания использовать зубрежку: блок 1С2К отвечает за... Ну и результат, соответствующий: «разъемы вымыты, „изделие“ повреждений при загрузке не получило, подготовлено на площадке № такой-то, пломбы на месте, люки закрыты, наддувы азотом, и опломбированы командиром БЧ2, чья подпись украшает журнал и паспорт изделия». За все остальное отвечает арсенал флота, где работают «ракетные боги», только непонятно: откуда они берутся, если нас к ракете не подпускают на пушечный выстрел. Так, посмотреть-погладить.

---

¹ «Деревообрабатывающий комбинат» – подпольная кличка ВВМУПП: «Принимает дубов, а выпускает липу»

Я вот парашютист, – Сергей ткнул в висящий на груди значки «Парашютист-инструктор» и «кандидат в мастера спорта», – об этом изделии я знаю все досконально, сам укладываю и применяю, включая тяжелые парашютные и реактивные системы. Тоже веду их паспорта, но принимаю всю ответственность на себя, здесь же – сплошная перестраховка. А вспомните, что писал об этом бывший командир «К-21», как они соревновались с «К-3»: у кого больше мин всплывет после постановки? «К-3» действовала по такой схеме, как предписывалось инструкцией, а на «К-21» мины отбирали и готовили командиры и краснофлотцы БЧ2-3. И счет был 18:3 в пользу «К-21». Все новое – это хорошо забытое старое.

– Да, – резюмировал кап-раз Кожевников, – долго на флоте ты не удержишься, старшина. Ты прав, говоря о том, что офицерский состав превратили в «писарчуков». Главное, чтобы документация была в полном порядке. А боевое применение? «Лишь бы не было войны!» Вот главный лозунг. Кстати, надо бы тебя переодеть, старшина, ты же говорил, что на Петроградке живешь? Могут остановить и проблем будет выше крыши. Пойдем, посмотрим, что можно сделать, завтра занесешь Нике.

Коньяк Сергей только пригубил, но комендантские патрули – не «гайцы», в трубочку дуть не заставят, просто уволокут на губу, и проблем после этого будет выше крыши, поэтому старшина оценил заботу старого кап-раза. Он переделался в «гражданку», а его форму упаковали в небольшую сум-

ку. Был вечер субботы, и по дороге домой они с Никой повстречали пять или шесть патрулей, как у Технологического института, так и у метро Петроградская. В это время заканчивали свою работу театры и кинотеатры, и патрули внимательно отслеживали многочисленных курсантов большого числа военных училищ, расквартированных в городе. Чтобы не терять завтра времени, он предложил Нике пройти на Бармалева, где он переоделся в свое, и вынес спортивный костюм и куртку Федора Михайловича, положив их в ту же сумку. Он проводил ее до ее дома.

– А вы завтра куда?

– В Лисий Нос, на прыжки.

– Никогда не видела: как и зачем люди прыгают на парашюте.

– На парашюте прыгают только в момент укладки, прыгают с ним. Один парашют за спиной, второй на животе.

– А вы меня с собой возьмете?

– Я не думаю, что Вам там будет ах как интересно, но режим там достаточно свободный. Пройти и посмотреть там можно. В крайнем случае, если станет скучно, то до платформы минут десять ходьбы. Но вставать придется рано, к восьми требуется быть там.

– Тогда встретимся здесь в семь утра?

– Хорошо, в семь. До свидания, Ника. Спасибо за ужин.

– Это Вам спасибо, что помогли решить проблему: как жить дальше. Живем! И будем жить!

Глава 2. «Вот новый поворот, и мотор ревет, что нам несет?»»

12 мая, в четверг, Сергей воспользовался принесенной ему вчера увольнительной, подписанной замначальника училища по научной работе. В 11.03 он втиснулся в набитую туристами до отказа электричку, идущую до Ломоносова, оставшись тут же у дверей последнего вагона, которые начали закрываться еще до того, как он вошел в тамбур. «Турики» все выйдут в Новом Петергофе, и пойдут смотреть фонтаны. А пока придется постоять в тесноте и не в обиде. Он вспоминал маленькое происшествие, случившееся после окончания парада на Дворцовой. Парад закончился, и начальник факультета дал команду разойтись.

– Сто тридцатая, отставить разойтись! – подал команду старшина роты, – Старшина второй статьи Уфимцев, курсанты Комаров, Ракитин, Токарев, выйти из строя!

– Есть!

– Напоминаю, что увольнительная у Вас до 16 часов, в 17.00 быть на разводе, заступаете в наряд по роте. Направо! Шагом марш! Курсанты Овчаренко и Гусев! Выйти из строя.

– Есть!

– За опоздание из увольнения ваш сегодняшний отдых пройдет в наряде на камбузе. Напра-во! В распоряжение шагом... марш.

В этот момент сзади к нему подошла празднично одетая Ника, Сергей ее и не видел. Вдруг кто-то скомандовал роте «Смирно! Равнение на... средину! На месте запе... вай!».

Наш ротный старшина имеет ордена,
И кажется не дружит с головой!
Но ты, любовь, зачти десантные значки
Которые теснятся на груди!
Не плачь, девчонка...

В этот момент Ника аккуратно взяла его под руку, а стервечи проорали «Горько!».

– Вольно, мальчики! С праздником всех! Разойдись! – сорвала она воспитательный момент и мило чмокнула Сергея в щечку. Это было ее первое появление перед ротой, и она сразу показала, что не посторонний здесь человек. Шепотки о том, что у старшины появилась очень красивая «старушка» уже витали в расположении. По сравнению с большинством курсантов роты, Ника была старше их на несколько очень важных лет. Она уже выпустилась и заканчивает аспирантуру, а у них еще два с небольшим года впереди, и аспирантура им не светит. Кстати об аспирантуре: Георгий Федорович на первом же занятии, он вел практику по специальности, дал Сергею на подпись бумагу, в которой было написано, что он является внештатным лаборантом 2-й кафедры, и предоставил ему возможность залезать в любой блок всех изделий.

– Сам сказал, что хочешь досконально их изучить. И мое

предложение по поводу аспирантуры остается в силе. Капраз Новиков уже в курсе, твою кандидатуру поддержал. Так что, все за тобой.

Предложение серьезное и заставило его немного по-другому посмотреть на Нику. Его несколько отпугивала ее красота. Зная не понаслышке о нравах закрытых гарнизонов, он прекрасно понимал, какое давление на нее будет оказано, в тот момент, когда он будет в море, тем более, как на бывшую балерину. А вот аспирантура могла вывести его немного на другой уровень. Послужить, конечно, придется, но уже с дальним прицелом. Ему уже сделали отметку об этом в личном деле. Поэтому отвертка и паяльник, осциллограф и авометр должны стать его любимыми инструментами. А там: не боги горшки обжигают. Пока думал об этом – зашевелился народ, готовятся к выходу и походу в Петродворец. Сергей прошел в вагон и сел на первую скамейку. Ему через одну остановку выходить. Здесь натопанная за пять лет тропа к физфаку сэкономила почти пятьсот метров. Прибыл он вовремя, до начала действия оставалось 15 минут. Ника стояла у окна, была бледна, от нее буквально пахло страхом и специфическим запахом женского пота. Она трусила.

– Спасибо, что пришли и вовремя, вот ваше место, там номер указан.

– А ты чего трясешься? Извини, что на «ты». На тебе просто лица нет. Сама же говорила, «Найду его, где искать – написано на его бескозырке, выйду за него замуж и буду как

за каменной стеной». Твои слова? Нашла, я вот, рядом стою, ты ничего не потеряешь, даже если провалишь защиту, что маловероятно.

– Но ты же не любишь меня, мне приходится выдумывать поводы тебя увидеть.

– Ну, а как я могу любить такую трусиху? У нее докторская в кармане, а она стоит и трясется. Существовать в четырехмерном пространстве я умею, каждое воскресенье соединяю трехмерное со временем. Ты обещала научить меня пользоваться пятимерным. А сама стоишь и трясешься. Марш в дамскую комнату. Протри лицо, успокойся и докажи мне, что ты самая умная, самая смелая и самая красивая девушка на свете. Договорились?

Она кивнула.

– Действуй, а я пошел смотреть на твой триумф. – Сергей аккуратно поцеловал ее в щеку. Ника улыбнулась и пошла туда, куда ей сказали. Незадолго до этого она говорила ему, что жутко волнуется перед экзаменами и выступлениями. Пока зрителей и слушателей нет – она находчива, смела и решительна, стоит начать ее «оценивать», ноги становятся ватными, страх приковывает ее к земле. Сказывается обучение в ЛХУ, в котором постоянно грозили воспитанницам «гоном», портя им нервы и жизнь, ведь сломанными проще командовать и использовать их в качестве «подстилок». Удивило выступление Ладыженской, которая, пусть в краткой форме, напомнила комиссии ВАК о том, что физическая

математика в настоящее время описывает такие процессы, для которых создать визуальное их отображение невозможно. В этом и заключается сложность и гармония тех формул, которые представит диссертантка. Что лично ее поразила глубина и красота тех подходов к этой сложнейшей теме современной физики, которые она применила. После такого вступления слушали ее все очень внимательно. Сергей, который впервые в полном виде слушал этот доклад, буквально замер. У него возникали реальные образы этих формул, и, как ему показалось, он смог найти одно из положений, в котором ось «Омега» явно просматривалась и была строго метрической и равномерной. «Боже мой, – подумал он, – А ведь это может быть... Нет, этого быть не может, потому, что этого не может быть никогда, но, если допустить, что категория может иметь оба знака...». Он вытащил из портфельчика тетрадь и начал заполнять спектр с шагом минус единица, дошел до нуля и совершенно спокойно ушел в минус. Есть! А если через точку с пятью координатами. Вот массив, черт сколько вычислений! Кто-то сбоку его подтолкнул и протянул программируемый калькулятор.

– Спасибо! – свой он взять не догадался. Получилось. Женский голос рядом сказал: «Я же говорила, что это изумительно красивое решение! Вы и есть тот самый моряк, который помог Веронике? Вместе – вы идеальная пара! Красиво смотрите, и чувствуете цифры» – сказала Ладыженская, которая незаметно переместилась и села рядом с ним. Это

заметила Ника и несколько испуганно посмотрела на них. Сергей и Ольга Александровна показали ей поднятые вверх большие пальцы четырех рук. Ника улыбнулась и смахнула что-то с глаз. Оторвалась от написанного текста и начала не читать его, а очень четко пересказывать, снабжая этот пересказ отличными и яркими примерами. Но время, времени для полного доклада было выделено маловато, и обеспокоенная Ольга Александровна несколько раз показала Нике на часы. Ника, часы которой лежали на кафедре, двинула их рукой, показывая, что контролирует этот фактор. Свернула она доклад просто классно, посетовав на то обстоятельство, что уложиться в полтора отведенных часа при освещении такой насыщенной темы несколько сложновато, но она благодарит всех за внимание и готова выслушать замечания и предложения по докладу. Сложила папку с ним и надела браслет с часами на руку. В этот момент раздался гонг, сигнализирующий о том, что время истекло. «Уфф» – выдохнул Сергей. «Умница! Какая она умница! Спасибо вам, Сергей, по-моему?» – сказала научный руководитель и первой заплотировала Нике.

Оппонент, академик Людвиг Фаддеев, ученик все той же Ладыженской, директор Ленинградского отделения математического института имени Стеклова, вышедший к кафедре после того, как Ника ответила на пять или шесть вопросов из зала и со стороны комиссии ВАК, сказал, что рад отметить блестящий результат проведенного исследования, что

соединение теоретической части с гомологией и топологией, дающих истинное отображение пятой координаты, достойно гораздо более высокой оценки диссертанта, нежели кандидатская степень.

– Я считаю, что Вероника Федоровна способна руководить исследованиями в этой области, я, извините, наглядно ощутил спирально-волнистую поверхность мировой материи. Мне кажется, что ей по плечу подобраться к темной материи, найти ключ, как ее регистрировать.

Тем приятнее было самому Сергею, когда по завершению всех процедур Ника подбежала к нему и обняла при всех, заливая его гюйс слезами. Назад в Питер их вез академик Фаддеев, который уговаривал Нику перейти к нему.

– Но физическая математика – это не ваш профиль?

– Он, конечно, не наш, но необходимо чувствовать перспективу. По большому счету, мы сегодня слушали работу мирового уровня, и я не удивлюсь, если ее выдвинут на Нобелевку. Ольга Александровна, как считаете?

– У меня есть замечание, Вероника, я сегодня решила чуть ближе познакомиться с твоим молодым человеком, про которого ты мне говорила, что это он тебе подсказал: как отобразить правильно Омега-ось. Я, извините, Сергей, немного посмотрела на то, что вы считали, и на те графики, которые вами были построены в ходе доклада. А что если вам это быстренько опубликовать, а мы это внесем в список литературы?

– Вы хотите, чтобы меня выгнали из училища, Ольга Александровна? Я давал подписку о неразглашении этих сведений.

– Упп-с, понятненько! Но на тетрадях я не увидела грифов.

– Это моя личная тетрадь-черновик, расчетов много, а вычислительной техники в училище почти нет, приходится пользоваться «Электроникой».

– Тогда я знаю, как Вас отблагодарить за помощь моей диссертантке. – и она достала из своего портфеля ту самую программируемую «SONY».

– Ольга Александровна, это нечестно! – заявил вдруг академик, – Я хотел отблагодарить их обоих первым, я же оппонент! Я понимаю, Сергей, что пронести в училище такую вещь вам не позволят, но так как вы вместе, то я передам Веронике Федоровне новейшую разработку американской компании «Apple», так называемый «Apple II» и графопостроитель к нему. И отнесите к этому серьезно, оба. Нужны заполненные категории спектров. Вероника Федоровна, это – главная задача. Я потом объясню для чего это требуется.

«Фиг тебе!» – подумал Сергей, – «Ишь чего захотел!», но виду не подал. Они заехали на Петровский остров, там им передали три коробки с надписями на английском и японском, графопостроитель был японским или корейским, с иероглифами. Шофер академика отвез их на Большой проспект, где Сергею пришлось подниматься на пятый этаж, та-

ща довольно тяжелые ящики с аппаратурой. Впервые посетил то место, куда уже почти месяц по субботам и воскресеньям провожает Нику. К своему удивлению, он не обнаружил там ее матери. Ни одного «следа» присутствия.

– Нет, ее здесь нет уже более пяти лет, она живет и преподает в Тбилиси хореографию в местном балетном училище. Отчима выставила я, тем более, что он с матерью развелся.

– Ну и, куда будешь ставить подарок?

– В кабинет, я его себе оборудовала.

Выглядела она несколько настороженной, все понятно, они ведь всего ничего знакомы, и она напряженно следит за тем, как он будет вести себя один на один. Но, совместный труд сближает! Сергей достал инструкцию по сборке, а там сплошной английский. Он изучал его с пятого класса, имел пятерку в школе и в училище, но кажется, что преподаватели здорово завышали ему оценки, так как сам он убедился в том, что говорить по-английски и читать текст, не связанный с морем, он не может. Когда пара молодых шотландцев спросила у него дорогу к отелю «Ленинград», а это напротив Нахимовского училища и дорогу туда он знал, как свою квартиру, он не смог объяснить им путь от Балтийского вокзала до Финбана. Затем принял решение о том, что он успеет вернуться до конца увольнения, буркнул: «Follow me» и отвез парочку на Финбан. Там они сориентировались сами, и спросили у него: «Говорит ли он по-английски?» – чем подчеркнули, что он этого языка просто не знает. Но в чтении

инструкций настоящий мушкетер не нуждается! Они с детства академики!

Пока Ника пыталась перевести первую страницу, Сергей, взглядываясь в перевернутую вверх ногами схему сборки на оборотной стороне инструкции, соединил монитор и системный блок, нашел место для подключения графопостроителя, сбежал в соседний магазин, где у «барышника» выяснил: где можно купить переходники с американских розеток на русские, съездил на такси к Апрашке, где и приобрел всё необходимое. Открыла ему несколько встревоженная его долгим отсутствием Вероника.

– Вот, это – переходники, а это – стабилизатор, который даст 230 вольт на 60 герц. Без этого работать не будет, как мне сказали.

Все воткнули, нашли загрузочную дискету, и запустили «Яблоко». Монитор мог отобразить целых шесть цветов!

– Сережа, можно мне Вас так называть?

– Мы же перешли на «ты»? Нет?

– Перешли, но я еще часто буду сбиваться. Вы с ним умеете обращаться?

– Не совсем, хотя попытаться стоит.

Ему удалось выполнить команду «catalog», через которую стал доступен 5-тидюймовый диск.

– Похоже, что это Ассемблер, но тут упомянут и Бейсик. Все, что могу сказать. Как минимум стало понятно в каком направлении рыть. Завтра кое-кому задам вопрос об этом.

Есть у меня приятель, который с этим сталкивался. Ну, что выключаем? Ой, секунду!

Сергей открыл каталог «текст», навел стрелками светящуюся полосу на файл, вызвал его, затем через PR# отправил его на графопостроитель. Тот зажужжал и выдал набранный текст.

– Работает! По меньшей мере, как умная пишущая машинка. Осталось научить его считать. Ладно, я пойду, если хочешь, можем пойти вдвоем, но, чтобы погулять и отметить сегодняшнюю твою защиту, мне требуется зайти на Бармалева и переодеться.

– Я хотела пригласить тебя к папе.

– А я хотел пригласить тебя в кафе или ресторан, ведь сегодня твой день, день твоего успеха.

– Небывалое бывает! Ты проявил инициативу.

– Ты знаешь, я тебя с удовольствием сегодня слушал, сначала ты немного нечетко говорила, приходилось прислушиваться, затем вошла во вкус и перешла к формулам, которые были мне более понятны, чем те определения, которые больше запутывают картину, чем раскрывают суть ее. Ты понимаешь, почему тебя торопят с категориями?

– Не совсем, ведь я их только-только подключила, и до самого конца еще не разобралась.

– Тогда посмотри сюда! – он достал свою тетрадь, – Видишь? Обрати внимание, что при исполнении этой команды вначале растет t , точка движется вперед по времени, за-

тем движение по этой координате замедляется, и потом точка пересекает ось Т за точкой ее отправки. Судя по тому, что сказал Фаддеев, он либо уже просчитал, либо не исключает такую возможность.

– Точка «путешествует во времени»?

– Ну, вот, теперь и ты догадалась. Именно поэтому я и хочу, чтобы мы побыли сегодня одни. Папе можешь позвонить, тем более, что скоро он вернется со службы. Только не надо никому об этом говорить. Скажи, что получили ценный подарок, мучаемся и осваиваем новую технику. На самом деле, я уже устал с ним возиться и чертовски хочется есть. Предлагаю пойти на «Кронверк».

– Почему именно туда?

– Тематика морская, и идти туда будем более сорока минут, успеем все обсудить.

– Я немного волновалась, когда ты вошел. Я же не говорила тебе, что живу одна.

– Пока это не имеет никакого значения. Ни я, ни ты еще не готовы что-то менять в наших отношениях. Но «вылез» вот этот «спектр», который может все изменить. Мне придется защищать тебя до последней капли крови.

– Зачем и почему?

– Этот эффект слишком интересен для очень многих. Это ступенька к машине времени. Ею захотят воспользоваться не только ради науки, но и в иных целях, и те люди, для которых жизнь человеческая ничего не стоит. Это я тебе как коман-

дир группы войск специального назначения Главного Разведывательного Управления Генерального штаба ВС СССР говорю. Методику этих расчетов пока знаю только я. И тебе я ее пока не покажу.

– Но ты же показал их Ладыженской, у нее фотографическая память на формулы.

– Так ведь формулу я ей не показал, а «Соня» не запоминает знаки, введенные в оперативную память, она их стирает начисто, да и сам калькулятор у меня. Листочки из моей тетради мы сейчас торжественно предадим огню. Мы знаем, что надо делать, вот и будем экспериментировать в этом направлении. Будут спектры, потом понадобится энергия. Вначале небольшая, затем, видимо, гигантская, но этот вопрос можно утрясти через ВМФ. Главное, чтобы это не просочилось туда, куда не нужно.

– Ты думаешь, что это возможно?

– Пока не знаю. Прямого математического запрета нет, но может быть биологический запрет на следование этим курсом. «Ваш курс ведет к опасности!». Есть такой сигнал в военно-морском коде. Мне скоро уезжать на практику, на тебя будут давить, тот же Фаддеев, не поддавайся. Кстати, если ты не возражаешь, то я могу сделать тебе официальное предложение руки и сердца, так будет проще уворачиваться от предложений занять должность начлаба в Стеклова. Сейчас говори о том, что до защиты ты никуда переходить не будешь, чтобы не обижать Ладыженскую.

– Ты серьезно?

– Конечно, другим образом я не смогу предоставить тебе защиту. Они же не знают, что ты не в курсе: как считать спектр. Если я тебе неприятен, то это может быть фиктивный брак. Твою безопасность в этом плане я тебе могу гарантировать.

– Более дурацкого предложения я никогда не слышала. Я принимаю твое предложение, просто я не думала, что это произойдет так быстро, мне казалось, что мы недостаточно хорошо друг друга знаем, чтобы пойти на такой шаг, но я совершенно не исключала такой возможности, более того, надеялась, что нам удастся понравиться друг другу и из этого у тебя возникнет нечто большее. Что касается меня, то я тебе уже говорила, что давно хотела, чтобы ты всегда был рядом со мной. Я, почему-то, была уверена, что рано или поздно мы с тобой встретимся. Как там Татьяна Ларина писала?

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

Но это – факт, и я его не скрывала. Сколько у нас времени?

– До чего? До свадьбы? Не ранее, чем я вернусь с практики, но заявление надо будет подать раньше. Я точно не знаю этого закона, но, по-моему, там дают два месяца на подумать.

– Я не про это... – сказала Ника, но лицо ее зарделось. Она сняла трубку, и набрала номер отца. – Пап, это я... Нет, папа, мы сегодня не приедем, мы собираемся в ресторан, встретимся 14-го, часа в три, сразу, как объявят увольнение. Подождем тебя у КПП. У нас есть новости, приятные... Пап, потом, еще ничего не решено, успокойся... Пока не знаю, не спрашивала... Да, ему предложили быстренько опубликоваться, но он отказался. Но нас уже считают соавторами... Да, он здесь, рядом. – она протянула трубку. Суховатый голос начальника кафедры:

– Сергей? Как прошло?

– Ну, не без приключений, Нике требуется чаще выступать, дрожала, как осиновый лист. Затем взяла себя в руки и доложила отлично, тематику она знает. Федор Михайлович, могут понадобиться кое-какие действия с Вашей стороны. Мне кажется, что у темы есть темная сторона. Нет, не в научном плане, здесь все чисто. В субботу поговорим на эту тему. Вам, как человеку далекому от этого, можно многое рассказать, а Вы, наверняка, сообразите, что делать... Да нет, я сам это отчетливо понял только во время ее доклада. До этого я просто не задумывался о том, куда это ведет... Нет, она – умница, решительности немного не хватает. И умения сказать «нет» авторитетам. Но это приходит, со временем... Да, спасибо. Передаю. – и он протянул трубку Нике. Та слушала отца и внимательно смотрела на Сергея.

– Да, пап, я поняла, я вижу. У меня два предложения и

предстоит выбор, я склоняюсь к первому варианту... Возможно... Всё, целую, увидимся.

Она положила трубку.

– Папа просил передать тебе спасибо за твою поддержку меня в трудную минуту. Я – готова, а ты покажешь мне свою комнату?

– Да мне только переодеться, и комната не моя.

– Все равно интересно будет посмотреть. Жилище многое может сказать о характере жильца. В свете твоих предложений меня это стало интересовать гораздо больше, чем до того, как.

Через десять минут они вошли в квартиру на Бармалеева, Сергей придержал громадного пятнистого дога, догину, красу и гордость хозяев, у которой была вредная привычка всех облизывать и пачкать в своей слюне. Она пару раз довольно громко гавкнула на незнакомого человека. Хозяева были на работе. Ника увидела заваленный тетрадами и книгами стол, узкую кровать, казарменного типа, и шкаф.

– Садись, полистай вон ту тетрадку. Я сейчас сполоснусь, и буду готов через пять минут. Туську не пускай, будет проситься, все здесь перевернет. – подхватив «плечики» с костюмом и рубашкой он вышел в ванную. Ника в тетради увидела снимки, которые сделал Сергей на аэродроме. Про то, что они готовы, он ей не говорил. Снимал он умело, ей понравился один из снимков, ее портрет, который был вы-

хвачен Сергеем из кучи кадров, увеличен и снабжен совершенно другим фоном. Снимок был комбинированным. Края портрета размыты и наложены на совершенно другой фон. Интересное решение. Когда он вернулся, уже переодетым, Ника показала ему этот снимок и попросила разрешения его забрать.

– Он у меня один, я его делал для себя. Там нет одной детали, которая должна быть вставлена в этот портрет, с тем, чтобы его полностью закончить.

– Вот и хорошо, у тебя же есть негативы, ты его закончишь, когда будет время, а этот я заберу себе. Знаешь, мне приятно, что ты уделил свое внимание и время, чтобы его сделать.

– А разве я не говорил тебе, что ты красивая?

– Я этого не помню.

– Ну, ты просто сильно волновалась, но я это говорил, сегодня перед твоим докладом.

– По-моему, ты просил меня доказать тебе, что я – красивая.

– Это – аксиома. С этим еще предстоит жить.

– Что ты хотел этим сказать?

– Да, так, ничего, просто сегодня вспоминал, как тебя встретила моя рота.

– Они меня посмешили. А у тебя есть ордена.

– Орден, один, «Красная Звезда».

– Покажи!

– Его здесь нет, он – в училище. Есть фотография. – Сергей достал из шкафа свою фотографию, сделанную несколько лет назад в отпуске после ранения его учительницей по русскому языку.

– За что?

– За дырку в ноге и небольшую контузию.

– Где это было?

– У Джунгарских ворот, на границе с Китаем.

– Давно?

– Четыре года назад, тоже в мае. Фотография сделана в июле 74-го. Худой, потому, что только вышел из госпиталя, там не слишком хорошо кормили. Все каши да каши. А я их не люблю.

– Буду знать. Каши предлагать не буду.

– Я готов.

– А у меня еще один вопрос: я уже видела такие фотографии, выполненные в таком стиле.

– Я знаю, у кого ты это видела, мы вместе разрабатывали этот стиль и оба его освоили. Таня – замечательный фотограф, она умеет видеть кадр.

– Вы были близки?

– Если ты об «этом», то нет. Мы единственный раз поцеловались, и это было после того, как она вышла замуж за другого. Весной 72-го она меня попросила ее поцеловать, а я не стал этого делать.

– Почему?

– По-моему, этого не объяснить. Не хотелось потерять самого себя и того отношения, которое я к ней испытывал. Приземлять чувство.

– Да, нечто подобное она мне и говорила, что ее тянуло к тебе, как к мужчине, а ты витал где-то в облаках, не понимая, что от тебя требуется.

– Возможно.

– Она говорила, что не вполне понимает тебя, что она хотела быть гораздо ближе к тебе, но ты это не понимал. Почему?

– Давай не будем об этом, это эпизод или период уже прошел. Ошибки? Ошибки были, у обоих. Мы оба – лидеры. И никогда не собирались уступать друг другу первенство. Кому-то предстояло сломать себя и уступить. А обоим этого не хотелось. Сейчас она нашла вариант этого не делать. Она – глава семьи и признанный лидер.

– Ты хочешь сказать, что у меня будет вечная вторая роль?

– Мы идем в ресторан или распределяем места на кровати?

– Не говори пошлостей.

– Даже не пытаюсь! Но ты сама говорила, что если что-то на тебя давит, то принять решение ты не можешь. То есть, в критической ситуации ты не способна быстро и правильно принять решение. Вот, например, сейчас. – Сергей обнял ее и поцеловал, не легким поцелуем в щечку, а страстно и требовательно. Через некоторое время, слегка отдышавшись и

приведя свои чувства в порядок, Ника, поправив прическу, сказала:

– Мы – идем в ресторан, а применять оружие массового поражения – команды не было! Вам понятно, товарищ главный корабельный старшина. Дома – командую я, но обещаю тебе слушаться тебя во всем, что касается внешнего мира. – с этими словами она протянула руки к его голове, и сама поцеловала его. – Чувствую себя настоящей Никой, победительницей. Мне сегодня удастся всё! И доклад, и твое предложение, и наш первый поцелуй. Я этого ждала с 71-го года. Я эту дурацкую бутылку просто взглядом останавливала на тебе. Мне совершенно не хотелось целоваться с кем-то другим.

– Не играй в идиотские игры. Все, пойдем, нас ждут великие дела.

В четверг, и было только около 7-ми вечера, они попали на плавучий ресторан у Петропавловки, расположились на верхней палубе, с видом на бывшую биржу, но бифштексы были пережарены, официантка задержала подачу блюд довольно надолго, и откровенно хамила, понимая, что имеет дело с молодой и не слишком богатой парой, которая занята сама собой, своими проблемами, а не чаевыми для нее. Ниже, под палубой, играл оркестр, и кто-то громко отмечал день рождения. Слегка перекусив, оба пришли к мнению, что, к сожалению, вечер испорчен, и надо искать другое место. Жаль, что так получилось. Какими-то окольными путя-

ми, ноги их сами привели в магазин «Океан» на Малом проспекте.

– Ты знаешь, я есть хочу. А та «подошва», которую нам предложили, была совершенно несъедобна.

– Я с тобой согласна, что ты предлагаешь?

– Хочешь скумбрию по-королевски? И креветки?

– Вообще-то, я рыбу тихо ненавижу.

– Но сегодня четверг, рыбный день, так что тебе не открыться. Смотри! Омары! Берем. Вместо креветок! ²

Взяв четыре крупные замороженные тушки скумбрии и пару довольно крупных омаров, они вернулись на Большой проспект, хотя Сергей говорил, что Бармалеева ближе. Но решения уже принимала Вероника. С удивлением она увидела, что Сергей вымыл руки и сам пошел на кухню. Скумбрия была разрезана на половинки вдоль, причем хребет был разрезан на две половинки. Какую-то приправу он купил там же в «Океане». Тонкий слой масла лег на разогретую сковородку, рыба обсыпана приправой и легла на кожу мясом вверх, и сверху на тушки легли кружки лука. На второй сковородке разогревался отварной картофель, тоже приобретенный в кулинарии «Океана». В кастрюле закипала подсоленная вода для солидных размеров раков. Сергей перевернул куски рыбы, попробовал, что ноги омаров начали шевелиться, если их двигать пальцами. Через пять минут он выключил все,

---

² В тот год (из личного опыта) вечерами в «Океане» несколько раз удавалось купить замороженных омаров.

нарезал лимонов и выдавил две половинки в рыбу и на омаров.

– Готово! – и Ника посмотрела на часы. Прошло всего 15 минут, с того момента, как началось приготовление пищи. Она хотела помочь с сервировкой стола, но все сделал сам Сергей. Каким-то волшебным образом кожа скумбрии отделилась от тушки, на вспомогательную тарелку легли половинки хребта с ребрами, кружочки картофеля окружили рыбу, хорошо прожаренный лук украшал все блюдо. Бутылка белого сухого вина извлечена из морозилки и поблескивала изморозью.

– Прошу!

– Я же говорила, что я не ем рыбу.

– Ты ее не ела, никогда, до этого. Пробуй.

– О, господи! Она же должна быть сухой и вонять рыбой, а эта тает во рту!

– Эх, самой вкусной скумбрия бывает, когда ее только снял с крючка, спустил ей кровь прямо в море, разрезал вдоль и бросил на сковородку. Так, секундочку!

Из стола он извлек ножницы и с хрустом разрезал ими одного из двух омаров, второй в кастрюлю не поместился и ушел в холодильник. Белое мясо из огромной клешни легло рядом со скумбрией, на него был выдавлен лимон, и Ника, уже без всяких разговоров, положила его в рот.

– Божественно! Где ты научился так готовить? Ни папу, ни Егора на кухню просто не загнать, иногда кажется, что

они скорее умрут от голода, чем приготовят себе хоть что-нибудь, кроме чая, кофе и бутербродов.

– Это приходит само, когда мама постоянно занята, в первый раз я приготовил для всех борщ в шестом или седьмом классе, потом регулярно стал находить на столе записки от мамы и деньги, на приобретение продуктов и приготовление различных блюд. Папа тоже приходил довольно поздно, он был командиром дивизии в то время, имел ненормированный рабочий день, мама – директор школы, тоже возвращалась поздно. Старшая сестра уехала учиться к бабушке во Фрунзе, и был младший брат, который очень любил вкусно покушать. Вот и приходилось готовить, пока в Нахимовское не поступил.

– Хорошо, что я ушла со сцены, на такой пище и с такими порциями, я бы там и месяца не продержалась. – рассмеялась Ника, но на ее тарелке не осталось даже крошек.

– Теперь самое вкусное! Хвостик омара.

– Я лопну!

– Ничего подобного, я в это не верю!

Брюшко тоже исчезло, разделенное пополам.

– Ну и аперитив. Холодное и очень кислое вино!

– Сказка, просто сказка. Еще бы звуки моря...

– Я попытаюсь достать путевку в Геленджик. Надеюсь, что наш медовый месяц мы проведем там.

– Не верю, самой себе не верю, что это – я, а это – ты, и мы вместе отмечаем предзащиту. Чуть меньше месяца назад

Ладыженская практически приговорила меня, сказала, что я не справилась с работой. Все летело в тартарары, и тогда я увидела тебя. А ты меня даже не узнал.

– Ну, как я мог узнать человека, которого мельком видел много лет назад, один раз.

– Трижды, мы виделись трижды.

– Есть у меня такая особенность: я не запоминаю неинтересных мне людей. В тот момент весь ваш класс был мне не интересен, знаешь почему?

– Нет, конечно.

– Помнишь такого Лысова? Курсанта из моей группы, самый молодой из нас был, с таким остреньким лицом, тоненький голосок, худенький. Его Настя практически изнасиловала. У него не вставал, так она ему минет сделала. Вот из-за этого случая, я и перестал воспринимать нормально ваш класс. А когда начали крутить бутылочку, меня чуть не стошнило.

– Ну, ты нашел: о чем вспомнить, да еще в такую минуту. Извини, пора разбежаться, уже поздно.

– Есть!

Он обул туфли и надел куртку. Ника стояла, прислонившись к косяку двери. С некоторым удивлением она увидела, что Сергей не был обижен.

– Сережа, – окликнула она его в дверях, – один маленький секрет: у меня никого и никогда не было. Я тебя очень люблю. Иди. Увидимся в субботу в три.

«Да, действительно, нашел, о чем вспоминать!» – подумал он, когда спускался по лестнице, выйди из парадной и чуть отойдя от нее, обернулся и увидел, что Ника смотрит ему вслед. Он помахал ей рукой, перешел почти пустой проспект и двинулся в сторону улицы Бармалеева.

Глава 3. Дела служебные, и не только

14 мая в 15.40 в квартире на 5-й Красноармейской они объявили о своем решении старшему Кожевникову. В ответ услышали:

– Ребята, а не слишком ли вы торопитесь? Или дела зашли уже слишком далеко? – Ника покраснела, но ответила не она, а Сергей.

– Вы правы, товарищ капитан первого ранга, дела зашли слишком далеко, во многом из-за моей невнимательности. Но не в том направлении, на которое вы намекаете. С внучатами вам придется подождать. Дела обстоят гораздо хуже. Я, сам того не ожидая, оказал Нике медвежью услугу, подсказав ей, как можно увидеть пятое измерение, до конца не понимая, к чему это ее приведет. Она сделала открытие.

– Пап, не я, мы сделали открытие. Сергей нашел практический способ увидеть и правильно расположить эту самую «омега-ось».

– Но, так как я постеснялся прийти к ней и заранее прослушать ее доклад на защите, то слушал его прямо в зале НИФИ, непосредственно во время защиты. Там же я обнаружил, что при определенных условиях точка, обладающая пятью известными координатами, может, чисто математически, пересечь ось «Т» в любой точке, по меньшей мере, мне удалось просчитать ее траекторию, при которой она может

это сделать. Мы, пока не знаем точно, к чему это может привести, но материальное тело имеет возможность двигаться быстрее временной шкалы, и останавливаться в точке пересечения координаты «Т», как впереди времени пуска, так и позади этой самой точки. Возможно, что есть чисто биологический запрет на такое движение, это мы пока не знаем, но физически перемещаться во времени возможно. К сожалению, предзащита прошла, и минимум два человека понимают, что обнаружила Ника. Это академик Фаддеев и профессор Ладыженская. Но математический аппарат, с помощью которого я создал категорию этого спектра, остался им неизвестен. Академик Фаддеев сразу же подарил нам американскую персональную ЭВМ «Эпл 2», доступ к которой он надеется получить. Он же дал Нике первое задание, просчитать категории спектров, создать условия, с помощью которых можно управлять движением в пятимерной системе. Ну, и, естественно, сразу повесил морковку перед мордой осла: пообещал номинировать на Нобелевскую премию.

– Ничего себе!

– Да-да, что означает: открыть американцам секрет перемещения во времени. В этих условиях нам необходимо, в первую очередь, обезопасить Нику. Они ведь не знают, что она пока вопросы создания категорий спектров даже не рассматривала, только упомянула, что доктор Бордман применял подобный метод при создании объемного геоида. Мне чуточку проще, я пока в училище, и не слишком светился,

а вот Ника живет одна. Сейчас, до защиты, ее не тронут, надеясь, что сумеют воспользоваться ее наивностью, и она сама выложит на блюдечке им этот аппарат. В крайнем случае, распотрошат ту самую ПЭВМ, которую нам и подарили. Это можно сделать и в ее отсутствие. Я ей посоветовал пока не делать резких шагов, изображать наивную и робкую девочку, но переходить на должность заведующей лабораторией в институте Стеклова несколько преждевременно. Что она не хочет обижать своего научного руководителя, и будет защищаться при НИФИ, а не в Стеклова. По уму, требуется закрывать эту тему «тремя нулями», переводить ее на военные рельсы, и ни в коем случае не разглашать, по меньшей мере, применяемый математический аппарат. Вот такая ситуация, тащ кап-раз. Я, со своей стороны, прекрасно понимаю, что мы с ней теперь неразрывно связаны этим открытием, правда, я еще курсант, кстати, если до них дойдет, что это я торможу все дело, то они могут постараться меня из училища «удалить». Мне было предложено «быстренько опубликоваться в ВАКовском журнале», чтобы на меня можно было сослаться в диссертации Вероники. Я отказался, сославшись на гриф секретности.

– А каким боком здесь свадьба?

– Веронику требуется охранять, я – спецназовец, с боевым опытом. Кто, кроме меня, с этим еще справится? Плюс, мы, как бы, звенья одной цепи. И, сразу после защиты ей требуется переходить во ВВМУПП на работу, тем более, что ака-

демик Фаддеев внес на предзащите предложение повысить статус диссертации до докторской. Ну, или в академию, то есть, она должна уйти в военную науку, чтобы полностью закрыть тему.

– Ох, дети, маленькие детки – маленькие бедки.

– И еще, товарищ кап-раз, я же на два месяца уйду на практику, у меня с понедельника сессия начинается. Пусть Ника у вас поживет?

– Да пусть живет, места хватает. А сама-то, что скажешь? – обратился он к дочери.

– Я тебе уже говорила, что хочу, чтобы он был моим мужем. Я его люблю, давно, еще с училища. Да, мы не были друзьями, встречаться стали недавно, но за это время я успела убедиться в том, что не ошиблась в нем. Я понимаю, что скорость принятия решения слишком высока, и профессия у него связана с длительными отлучками. Мне кажется, что я это выдержу. Ждала и надеялась шесть лет. Что касается диссертации и перехода на работу в ВМФ, думаю, что это один из выходов из ситуации. Тем более, что без Сережи я бы не справилась с этой работой. Мне еще только предстоит освоить те методы расчетов, которые он уже применяет.

– Все в кучу навалили, делать вам нечего.

– Слушай, па-а, не ворчи. Тебе не идет. Смотри, что мы принесли! – она достала из пакета омара. – Это такая вкуснятина, ты знаешь, как он чудесно готовит!

– Путь к сердцу человека абсолютно точно лежит через

желудок. Это еще древние заметили. Ну, что сказать, доча, совет да любовь. Не обижай ее, Сережка, она девочка тонкая, чистая. Ну и внука мне давайте, а то у Егора одни девки.

После ужина, собираясь домой, Ника выполнила мою просьбу и попросила отца пока Егора не посвящать в проблемную часть, возникшую после предзащиты. Тот согласился.

– Перетащим себе тему, тогда и подключим.

Они доехали до дома, но в этот раз сама Вероника не захотела расставаться.

– Я и в четверг не хотела, чтобы ты уходил, даже думала, что ты обидишься, что я тебя гоню. Потом поняла, что не сказала тебе самого главного. Жаль, что получилось так скомкано и быстро, мне хотелось вначале услышать твое признание в любви, а уж потом предложение выйти за тебя замуж. Но получилось так, как получилось. Мне надо было пригласить тебя к себе раньше, когда готовилась к докладу, возможно удалось бы перенести предзащиту.

– Да, нет, Ника, этого было не избежать, когда делаешь такое открытие, требуется сторонняя оценка твоих усилий, и мнение Фаддеева здесь было решающим. Но, мир науки такой же суровый, как и вся наша жизнь. Там тоже идет борьба за лидерство, за первенство, и каждый старается подтянуть поближе к себе лакомый кусочек. А когда он еще и такой красивый, как ты...

– Ты мне льстишь! Ты же столько лет на меня даже вни-

мания не обращал.

– Ну, во-первых, я не знал, что ты такая умница, во-вторых, обладание красивой женщиной ко многому обязывает и доставляет большие хлопоты, плюс я не знал, что ты ко мне так относишься. У такой красавицы всегда куча поклонников, а это портит характер, сильно повышает самооценку. И, главное, это моя уверенность, что в той богемной грязи быть бриллианта не может, я тебя просто проглядел. Исправляюсь.

– То есть, ты хочешь сказать, что стал по-другому ко мне относиться?

– Именно так, если бы это было по-другому, я бы не стал ничего предлагать или подсказывать. В тот самый вечер, когда ты отвечала на вопрос: почему ты считаешь, что пятимерный мир никому не интересен, ты очень увлеченно и аргументированно говорила, промелькнуло и то, что у тебя большие проблемы с научным руководителем, и, хотя мы были знакомы всего несколько часов, мне захотелось тебе помочь, я в тот момент не знал, к чему это может привести, так как сам я был весьма далек от физической математики. Физикой я увлекался давно, но совершенно в другом направлении. Теормех начал изучать еще в восьмом классе, так как к тому времени уже владел дифференциальной алгеброй, сложными функциями, учился в ЗФМШ при Академгородке.

– Мне говорила Таня. И ее увлек, она из-за тебя пошла на

физику, а ты уехал в физтех.

– Мы тогда почти поссорились.

– Почему?

– Я сделал ей предложение, такое же как сейчас сделал тебе, и получил ответ, что мне хорошо, я уже поступил, без экзаменов, а ей это только предстоит, правда, ей требовалось сдать только один экзамен, у нее была золотая медаль. Я, потом, часто приезжал в Старый Петергоф, тем летом, пока был в отпуске, затем нас заперли в Сивой Кобыле, нас сожрали комары, затем присяга, первое увольнение и я снова поехал в Петергоф. У Тани – легкая истерика, ничего не получается, наговорила мне кучу всего, что, когда я ей был нужен, меня было не найти, а сейчас я ей мешаю. Замуж за меня она не пойдет, и всю жизнь сидеть на берегу и смотреть на море, в ожидании любимого мужа, она не собирается. Договоривались, что я переведусь на физфак, а я все договоренности нарушил. Я в тот же день пошел к врачу и тот намерил мне высокое давление, повторил этот фокус несколько раз, и меня списали. Стоит напрячь мышцу ног, в нужный момент, давление прыгает, главное – видеть манометр, чтобы в правильном месте ее напрягать. А по приезду, даже чуть загодя, в степи возле Тюра-Тама, я выбросил свою медкнижку и угодил в учебку воздушно-десантных войск, ну, а затем попал в Азад-Баш. Там мне досталось по голове и ноге, я тебе показывал. Мозги встали на место, и теперь я – старшина 130-й роты. А еще у меня красивая невеста, которая мне очень и

очень нравится, но она еще сомневается.

– Дурачок ты у меня. Таня говорила мне, что больше всего ее не устроила выбранная тобой профессия. Она хотела, чтобы ты был рядом, а ты смотрел на часы и уходил.

– У меня служба. Кстати, в следующем году я буду возвращаться домой к 16 часам каждый день, и на пятом курсе тоже. Мы сможем чаще бывать вместе.

– Я возвращаюсь домой к 19-ти, к 19.30, если в магазины заходить.

– Магазины возьму на себя. И ты забываешь, что работаешь НИФИ последние месяцы. Сейчас ты возьмешь отпуск на подготовку к защите, предзащита пройдена, затем прервешь его по семейным обстоятельствам, свадьба у нас состоится 1-го августа, в первый день моего отпуска. А в октябре у тебя защита, и, автоматом, увольнение. Лучше перейди работать к нам. Не думаю, чтобы Федор Михайлович нас подвел.

– Ты знаешь, давай завтра сходим в магазин и приобретем кровать. Моя кровать ужасно узкая, мы на ней не поместимся, есть широкая, но на ней спали мама с отчимом. Я туда не лягу ни за что на свете. В общем, как выяснилось, я не готова к замужеству совершенно. Оказывается, столько всего требуется для этого! Я вчера попыталась проинспектировать свою одежду, выяснила, что у меня все либо детское, либо застиранное донельзя. А в магазинах – шаром покати. Прошла по всему Большому, кругом очереди, и все ждут, когда

«выбросят», и вплоть до драки. Даже не знаю, что и делать?

– Надо ускорить подачу заявления, там сразу выдают талоны в салоны для новобрачных, и у меня с прошлого года остались чеки, надо будет съездить в порт, в «Альбатрос». В этом году чеков не будет, но будет «полярка» и «океанские», к сожалению, заходов не будет, так что валюты тоже не будет. Но проблему с одеждой мы закроем, через Видяево, там с этим вопросом много легче.

– Столько лет представляла себе этот момент, думала об этом, но палец о палец не ударила, чтобы хоть немного подготовиться. Мне некогда было стоять в очередях, я смотрела на этих теток, как на сумасшедших. А когда что-то требовалось, остродефицитное, подходила к папе, и он где-то это доставал.

– В «Альбатросе» или «Березке», он же летом и осенью с курсантами на плавпрактику ходит.

– Ну, скорее всего, но не могла же я его попросить купить мне нижнее бельё!

– Могла бы догадаться и попросить у него чеки, или сходиться с ним.

– Туда без удостоверения не пускают. А у меня такого нет.

– Будет, не волнуйся, перейдешь в училище – будет.

Да, при такой занятости, с условием того, что ежедневно требовалось терять кучу времени на поездку в Тмутаракань и обратно, просиживать в Публичке целыми днями, писать

вручную диссертацию и вручную ее пересчитывать, вычерчивая потом на миллиметровке многочисленные графики, где там найдешь время, чтобы стоять в этих очередях! А нагрузка у нее была бешеной, так как большинство литературы по этой теме написано по-английски, русскоязычной практически не существовало. Список литературы Сергей уже видел, все это требовалось прочитать и перевести, понять и применить. Сам он тоже занимался этим, но несколько в более щадящих условиях, если требовался перевод, то просто писал на него заявку, через определенное время училищная библиотека выдавала перевод. Плюс вещевое довольствие, бесплатная прачечная и баня. Стирать приходилось только носки да гюйс. Четырехразовое питание, бесплатное. Ну, настоящая каторга, так как в город каждый день не отпускают. Они поговорили и об этом, он посмотрел на часы, но Ника демонстративно закрыла их манжетой его фланки.

– Не пойдешь никуда, места дома достаточно, надо обогреть привыкать жить вместе, чтобы потом не возникала ситуация, как в «С легким паром»: «будешь мелькать туда-сюда, туда-сюда». Все решено, и нами, и за нас. Завтра перенесем твои вещи, как только купим кровать. Чай будешь? Пойду вскипячу.

Она прошла на кухню и несколько раз щелкнула пьезозажигалкой, вошла в ванную и переоделась, потом вернулась на кухню. Чайник засвистел, и Сергей сам туда пришел. Он

обратил внимание на одинокую слезинку у Ники.

– Что случилось?

– Да так, прощаюсь с детством и горюю о своей никчемности. Это про четверг и про вчерашний день. У нас такой праздник в четверг получился, я же видела, что ты это все для меня делаешь и стараешься. До этого ты меня ассоциировал со всем нашим классом, ты сказал правду, горькую, но правду. Нас намеренно развращали, и Мельпомена давно покинула те стены, а тех, кто не поддавался, тех ломали, как хотели. Мордашка у меня симпатичная, и фигура, и ноги, вот и не гнали, надеясь, что рано или поздно поставят «на службу». В первый же месяц в Кировском мне прямо сказали об этом. Там уже не стеснялись, хоть мне и было всего 17 лет. Я зашла в кадры, написала заявление, меня пытались удержать еще две недели, но я понимала, что это закончится просто изнасилованием. Я посмотрела на эту «козу», сквозь зубы ей сказала: «Мне пригласить моего отца и милицию?». Мне ответили, что не стоит, хлопнули печать, и я успела подать документы в ЛГУ. Помог мне все это выдержать ты, со своей Таней. Когда я поняла, с кем имею дело в группе, я проревела всю ночь, а потом узнала, что ты все бросил и уехал. И первое письмо пришло только через полгода. Знаешь, как я его ждала! А Таня повела себя, как собака на сене. И сама не ам, и другим не дам. Ответила она тебе, по-моему, только один раз?

– Дважды, но о любви я там и не писал. Только о том, что

скупаю. Все.

– Я знаю, мне давали их читать, но не давали адреса. О нашем классе Таня многое знала, наверно больше меня. От тебя, наверное.

– Да, от меня, когда учился в «питонии», мы не переписывались, но каникулы проводили вместе.

– Вот и представь себе, что я почувствовала, когда из трамвая увидела тебя.

Он взял ее за руку, обнял и поцеловал.

– Я даже не думал, что у меня есть такая поклонница, и понятия не имел, что она станет моей женой. Ты обижаешься, что я к тебе не пристаю?

– Немного «Да».

– Просто я еще помню этот самый четверг, когда ты была вынуждена впустить меня к себе.

– Я очень боялась быть разочарованной. Очень многие в такой ситуации начинают распускать руки и, потом, языки. Но ты даже сегодня был готов уйти к себе на Бармалеева. Не пушу. Мои страхи кончились, ты, действительно, как та самая каменная стена, за которой не страшно и уютно. И тебя всегда рады видеть дома.

Он посадил ее к себе на колени и впервые прикоснулся губами к уголку кожи в вырезе халата. Она была плотная и бархатистая. Затем губами коснулся ее губ и поцеловал в уголок рта. Но последовала неожиданная реакция Ники. Она вдруг сначала побледнела, потом покраснела, охнула, и буквально

выскочила из кухни. Вернулась вся красная, как сваренный омар, и в другом халатике.

– Я не знаю, что это было, но больше мы таким на кухне не занимаемся. Я сейчас тебе постелю на диване в большой комнате, завтра в десять мы покупаем кровать. Отныне и впредь все это делаем только в кровати. А халат придется стирать. Ты меня понял? И не смотри на меня так.

Сергею понадобилось много сил, чтобы удержаться от смеха, но он сдержался, встал и еще раз поцеловал Нику теперь в другой уголок.

– Нет, не так, сюда лучше получилось. И неожиданно. Все, не приставай, иначе пойдешь на Бармалева.

После того, как с дивана удалили подушки, и его разложили, он оказался вполне вместительным. Сергей разделся и ушел в ванную, вернувшись лег, в ванную проскочила Ника, дверь в зал имела матовые стекла. Через несколько минут она вернулась, остановилась перед дверью и открыла ее.

– Тебе свет погасить?

– Нет,хвати одеяло и иди сюда, места здесь хватит.

Полотенце она предусмотрительно прихватила с собой. Утром выяснилось, что Сергей весь укрыт волосами Ники. Пока он выпутывался из них, она проснулась.

– Надо было их заплести, но мне сил не хватило, я хотела уйти к себе, но ноги не слушались, легла тебе на плечо, и за всю ночь так и не шевельнулась. Нет-нет-нет, только не это. Успокойся. Нам еще в магазин за кроватью. А после этого

мы точно никуда не пойдём, в этом я уверена. Хочу кофе, в постель. Я ведь это же заслужила! Как ты считаешь?

– Уговорила и заслужила. Ты самая-самая-самая! Кстати, забыл сказать, фигура у тебя просто «обалденная». Помимо нижнего белья, ищем бикини для Геленджика.

– Я – за! – ответила Вероника, и Сергей вышел варить кофе, и делать бутерброды.

Кровать они купить не смогли, их, хороших, не было, пришлось заказывать в мебели на заказ на Кировском проспекте, но доставят ещё до того, как он уедет на Севера. Днём к ним заглянул бородатый и лохматый Виктор, который принес с собой программы, и дал телефон для организации современной связи для скачивания программ для их «Эппла». Модем он им просто подарил. Провёл краткий курс компьютерного ликбеза, выпил бутылочку коньяку и исчез. Затем появился Егор и его семейство, с нужными и очень своевременными подарками, включая чеки на 100 инвалютных рублей. Так как, кроме «Мебели на заказ», они посетили и «дом на набережной Красного Флота», и подали там заявление, причем удалось записаться на 17 часов 01 августа, как и хотели. Правда, пришлось долго объяснять «мадам», что завтра начинается сессия, затем практика, и появится он в городе только 31 июля. Поэтому Георгий и Ася первыми получили приглашительные билеты на регистрацию и свадьбу. К тому, что Сергей уже переселился к сестре, Георгий, его жена

и две девчонки-погодки отнеслись совершенно нормально.

– Вы люди взрослые, вам решать: что, где и когда. Тебе я как себе верю, Серега. Ты – человек с головой, и, главное, с руками. После твоей настройки все блоки работают как часики. Швейцарские часики! Нике просто повезло заполучить тебя. Больше всего боялся, что прицепится к ней какой-нибудь танцоришка или режиссеришка, и пиши пропало! А сестренка у меня просто загляденье, да и умница, каких поискать.

– Этим и взяла. Ты в курсе, что ее диссер номинировали на доктора?

– В курсе, и знаю, что без тебя этого бы не произошло. И сама она говорила, и читал то, что она дописала в последний момент. Соль вся – там.

– Мы хотим перетащить ее и тему в училище или в академию ВМФ.

– А есть смысл?

– Есть, пока не хочу звонить об этом, но огромный смысл в этом есть. Ты же в академии днюешь и ночуешь, насколько я знаю.

– Есть такое, но обоснование требуется.

– Вернусь с практики, подойдет защита, обоснование будет, еще до нее. Тему закрывать надо еще до защиты, но защищаться в НИФИ, и сразу на доктора.

– Лихо, того и глядишь, она и меня обгонит, мне на доктора еще трубить и трубить.

– Там тем на всех хватит, главное не растерять и не растрезвонить кому попало.

– Понял, не дурак. Попробую поговорить с кем нужно. Благо, что с режимом дружу.

– Если реально дружите, то готов дать и на него приглашаемый, так чтобы в августе и решить все вопросы.

– Пока не требуется, но держи про запас.

– Договорились.

С отцом Ники и ее братом у него установились нормальные взаимоотношения. Старший, конечно, был несколько удивлен принятием быстрых решений, а младший, который чаще видел Сергея в своей лаборатории, вместо СамПо, уже понял, что старшина прямо из училища шагнет на площадки, арсеналы и полигоны, ибо ракетчик от бога, с радиотехникой хорошо знаком, паяльник из рук не роняет, схемы читает сходу и с теорией все в полном порядке. Золото, а не будущий лейтенант. Просмотрел он и личное дело, от корки до корки: своенравный, имеет собственное мнение и готов его отстаивать, круглый отличник, вечный отличник, даже ЗФМШ на одни пятёрки. Бывший кандидат в сборную СССР по горным лыжам, но прямо со сборов уехал поступать в ФизТех. Там, правда не срослось, но проходной балл у него был и два с половиной сверху. Подвела та самая самоуверенность, в итоге – первый курс ВВМУПП, и через два месяца отчислился, так как обещал своей подружке перевестись на

физфак, а это оказалось невозможно, только через отчисление и службу в армии. Отслужил, имеет ранение и контузию, орден Красной Звезды, и набрал 24,5 балла на вступительных. Ни одной четверки третий год подряд, две публикации, в том числе, в Морском Сборнике. Со всеми этими данными кап-три зашел к начальнику кафедры, и показал ему кандидатуру.

– Он же старшина роты, потянет?

– Вот и посмотрим, математика у него от зубов отскакивает. В техническом отношении весьма подкован. Сам просил предоставить ему доступ к схемам управления.

– Ну, проведите его по курсу подготовки ракет к старту. От А до Я, сами знаете какую шелупонь мы на полигонах и арсеналах имеем. Сливки, от слова «сливать». Всем отличникам хочется ничего не делать и греть кнопку «пуск» пальцем.

Десять дней не потрясли мир, но сессия уже позади, предписание, денежное довольствие на руках, гремит будильник, и Ника с Сергеем начинают активно собираться. Им предстоит первая достаточно долгая разлука. Крошки кофе заставляют Сергея прополоскать рот, он подхватывает вещешок с нехитрым скарбом и выходит на лестничную площадку, следом за ним Вероника закрывает на ключ двойные двери. Им сегодня на Московский вокзал, затем Нике предстояло приехать с подписанным заявлением на отпуск в инсти-

тут и вернуться уже на 5-ю Красноармейскую. А Сергей должен был встретить на вокзале двух человек из своей роты, «китайцев», и трех «торпедистов» из соседней, возглавить эту команду и доставить ее в населенный пункт Видяево. В этой группе только «досрочники» и «блатные-автоматчики». Остальные еще продолжают хождение по мукам сессии, а эти уже сменили шевроны на рукаве, там появилась четвертая «птичка», все посетили Абрама Львовича в глухом дворе-колодце на проспекте Огородникова и обзавелись «фирменными» «ввмупповками», мичманками специального покроя, которые изготавливались только здесь, и только для курсантов и выпускников ВВМУПП имени Ленинского Комсомола. Нацепивший такую курсант другого училища запросто мог схлопотать по тылке. Встретились на выходе из метро в главном зале ожидания. Четверо прибыли на вокзал не одни, а женами и подругами, один в окружении папы-каприза и многочисленных родственников, один – рыжий и конопатый «рязанец» с характерным носом, из 33-й роты, стоял в гордом одиночестве и лихо рассматривал присутствующих «дам». Эдакий гусар, в стиле Дениса Давыдова или Дорохова, что отчетливо подчеркивала сильно заниженная талия его перешитых и «натянутых на торпеду» клешей. Выглядело немного смешно, он немного не понимал: куда он едет и чем это для него может закончиться. Здесь, в Питере, его не тронут, но до Видяево в таком виде он рисковал не доехать. Но, об этом ему проще сказать в уже в поезде.

«Дорохов» чуть не присвистнул, когда увидел Нику, а та его «наградила» таким взглядом, что даже этот рыжий бесенок застеснялся и принялся поправлять форму.

– Все? Наш объявляют! – это особый военно-морской командирский шик: подойти вместе с объявлением о посадке. Еще одну минуту они ждали появления зеленых кружков на табло, которые начали с шумом вращаться, превращаясь в буквы и цифры, говорящих о том, что скорый поезд Москва – Мурманск прибыл на четвертый путь и на него объявлена посадка. Все двинулись в сторону дверей, но Сергей вовремя заметил комендантский патруль, стоявший у выхода, подал команду: «Стой, в две шеренги становись! Направо! Шагом марш!». Старший патруля поманил его пальцем, он передал командование Сухорученкову и подошел к капитану 3-го ранга.

– Товарищ капитан третьего ранга, группа, в составе шести человек, направляется на посадку на поезд Москва – Мурманск. Старший группы – главный корабельный старшина Старинов.

– Ваше предписание? – Сергей подал его.

– Свободны! Там у вас рыженький такой, передайте ему, что еще в Мурманске он сильно рискует в таком виде.

– Есть передать. – ответил Сергей, повернулся, и, взяв Нику под руку, пошел на 4-ю платформу. Пятнадцать минут, которые стоял здесь поезд быстро превратились в крики проводниц о том, что он вот-вот отправится, а провожающим

выйти из вагонов. Но они с Никой туда еще и не входили.

– Ну, сейчас тронется. Я скоро, не успеешь и все приготовить к свадьбе.

– Вот в этом я точно уверена, Ася обещала помочь. Иди ко мне, поцелую. – поцелуй несколько затянулся, садиться пришлось в тронувшийся поезд. Помахав рукой невесте, Сергей повернулся и прошел в плацкартный вагон. Людей было немного, ребята раскладывались, рыжий уже тискал бутылку «Мартовского».

– Вам просили передать, что появляться в таком виде даже на платформе Мурманского вокзала, это провести пять-семь суток на местной гауптвахте. И бутылочку уберите, вы не в отпуске, а следуете в составе воинской команды. Считайте это последним предупреждением. Иначе высажу и сам передам в комендатуру.

– Ты – меня?

– Я – вас. Встать, и доложить о получении замечания.

Нехотя старшина второй статьи поднялся и произнес то, что от него требовалось.

Торпедисты потом довольно долго шептались, тихонько расспросили одного из «крылатчиков», который им предложил отложить «мстю» до спортзала в Видяево, а там они смогут убедиться в том, что устроить их старшине темную у них не получится.

– Вообще-то он не вредный, и не стукач. Если что – сам разбирается, и не обидно. В роте он – старший, если он ска-

зал, то бежать и пробовать отменить его приказание у Романца бесполезно. Тот скажет, что выполняйте пункт номер один: старшина всегда прав. А если он не прав, действовать надлежит по статье пункта № 1. Не спорьте с ним, и все будет «хоккей». Мы три года с ним, в «Сивой кобыле» мы его просто ненавидели, гонял до седьмого пота, но сдружил всех вот так! Потом похлебали от старшин из 140-й роты, а когда его вернули, после первой сессии, вздохнули свободно. Что-то требуется? Полный вперед к нему, все решит. Что-то не понимаешь по любому предмету, идешь к старшине, и проблема исчезает. Наш человек. Строгий, но наш. У нас ни одного человека не отчислили, если не считать Косова, но тот «нарик» был, он его вычислил и того отчислили, несмотря на то, что у него батя «вице» был. Сам с его отцом разговаривал. Так что, не дергайтесь. Он – старший команды, и ничего такого он от тебя, Димка, не потребовал. Мог отправить тебя назад в училище еще у метро. Зря ты так вырядился, на КСФ за это дрючат.

– «Телка» у него классная, кто такая?

– Кожевникова с «тужка» знаешь?

– Ну, да, кто его не знает.

– Его дочь, а сын его на второй кафедре. Сама – физфак закончила, в этом году выходит замуж за нашего старшину, и защищается на доктора.

– Блин... Такая «фифа», и доктор! Чё она в нем нашла?

– Не знаю, видимо, что-то есть, о чем мы не догадываемся.

– Ладно, пошел переодеваться.

До Видяево добрались нормально, через Полярный, куда их добросили катером, а на «пятиуголах» их тормознули на КПП. Однако мичман, который это сделал, силенок не расчитал. Сухорученков тут же снял трубку «неслужебного» телефона, и назвал пару позывных.

– Батя, мы приехали, а нас на КПП какой-то мичман не пускает, мож нам обратно в Питер заворачивать?

– Дави эту зелень подкильную! Щас машину пришлю, трубочку мичману передай! – и «колун» услышал все, что о нем думает начштаба дивизии.

– Пардону просим, товарищи курсанты. Зараз машина сюда вышла, «адмирала» не желаете?

Старший Сухорученков прибыл сам и следом за ним ехал еще один «козлик». Сергей отдал рапорт и передал ему их предписание, а заодно конверт, который его просили передать именно начштаба.

– Это потом прочтем, ребятишки. Добрались без потерь? А то знаю я вас! Сам таким был.

– Потерь не имеем, готовы к практике.

– А вот это мы еще проверим. Сегодня и завтра отдыхать, здесь вот бланки увольнительных на два дня, до понедельника отдыхать, а в девять часов на развод. Вы, главкор, пока старший, но Славку я от вас забираю сразу.

– Пап, я Сергея к нам пригласил, мама просила их познакомиться.

– Ну, тогда по коням, сначала к плавказарме, а потом всех в городок доставим.

Так и поступили, Сергей бросил свой вещмешок на койку в отдельной каюте, и вышел на пирс. Здесь в это время очень сложно понять, что это: день или ночь. Да еще облачно было, теней практически не было, лишь 24-х часовой циферблат показывал 19.23 московского времени. Идти на ужин все дружно отказались, в городке славились местное кафе и небольшой ресторанчик.

С младшим Сухорученковым на втором курсе была целая история: забузил он, и круто провалился по учебе. На самостоятельной подготовке вечно зевал и даже не пытался выполнить задания. Как оказалось, у него выпал девятый класс, родители уехали во Вьетнам, а бабушка не справилась с этим обалдуем. И он тупо не понимал ни «вышку», ни «сферическую тригонометрию». Ему светило четыре «пары» в сессии, а это – гон. А папаша у него был крут, в узел мог свернуть любого, включая любимое чадо. Что ему и пообещал, и что служить он его отправит на южный берег моря Лаптевых. Лично проследит. Вот и пришлось Сергею за полтора месяца поднимать ему двухлетнюю программу, начиная с «алгебры и элементарных функций». Сессию тот сдал, с одной тройкой, причем, не выплаканной, а реальной. Сергея еще тогда приглашали приехать сюда, но тот отказался, предпочитая отдыхать в горах Памира. Ну, а сейчас ему бы-

ло не отвертеться. Славка подросток, стал командиром отделения на третьем курсе, после практики пойдет к первокурсникам замкомвзводом. Ему бы, желательно, на полгода-год куда-нибудь в морскую пехоту, но такое программой не предусмотрено. Зеленый он еще, и «блатной», от слова «блат». Отец сидит на большой должности, его прочат в командиры дивизии. Но Вера Михайловна Сергею понравилась. Доброжелательная женщина, хорошо знающая своего сложного и своенравного сынишку. Знает, как тяжело ему давалось обучение в школе, и не из-за того, что плохо соображал, а чисто по лени и «куда они денутся, все равно поставят нужные отметки, чтобы не портить статистику и отношения с начальником штаба дивизии».

– Сереженька, здравствуйте! Давно хотела с Вами познакомиться и сказать спасибо, что смогли загрузить в эту пустую голову необходимое, чтобы он, все-таки, закончил училище.

– Да не за что. Ничего такого я не сделал, нормальная товарищеская помощь, и пример остальным, как следует относиться к своему товарищу, который попал в беду. Вольно или невольно. В роте это, кстати, оценили. Теперь никто не стесняется ко мне прийти и попросить объяснить еще раз то, что не поняли.

– Мам, он так объясняет, что в голове сразу целая картина возникает, вот ты не понимал, а если вот сюда поставить значок, рычаг или еще что-нибудь, то закрутится и поедет. На-

глядно и доходчиво. Особенно начерталку, автоматику, следящие системы, и математику. Как у него в голове это все помещается – я не знаю, но после его объяснений больше ничего не требуется. Доходчиво и без криков. Ни каких: «ты – тупой, если не можешь выучить определение»! Многие считают, что он преподает лучше, чем штатные преподаватели. И когда он сам учится – мы не знаем. Но у него всегда все готово и одни «пятерки». А последнее время он нам стал давать «спецуху», его внештатным сотрудником 2-й кафедры сделали. Блин, мы эту кафедру раньше просто ненавидели, а сейчас она у нас последней парой, так иногда на обед задерживаемся, сидим, слушаем. И возвращаемся после обеда. Это же наша специальность.

Тут вмешался контр-адмирал:

– Не привираешь?

– Да, пап, ну ты как скажешь! Так и есть.

– Ну-ка, посмотрим. – он прошел куда-то и вернулся с тем конвертом, который Сергей ему передал от кап-раза Новикова. Контрик читал послание, хмыкал, затем полистал довольно увесистую стопку какого-то документа.

– Интересные шляпки носила буржуазия в 18-м веке! Мать, смотри! Но, это – секретно.

А сам взял трубку телефона.

– Владимир Лукьяныч, как жив-здоров? Не занят? Вы бы с Селивановым подгрести ко мне на рюмку чая... Давайте-давайте, не стесните... Ничего не требуется, все есть.

Это по четвертой группе «двойки». – он повесил телефон, – Верунчик, у нас еще гости. Ну, Сашка, ну, умница! Ввожу в курс дела, старшина. Есть у нас «несчастливая „Щука“», К-131. Командует ей кап-два Варнаков, который временно отстранен от командования. В 72-м лодка встала в док на плановый доковый ремонт, делов-то куча. На борту произошел объемный взрыв паров растворителя краски, прямо в доке. Потушили, и пять лет лодка находилась на ремонте. Так как задержку было уже не скрыть, то узаконили это переводом ее в опытовые, с установкой двух пусковых установок под «ЗК10», это четвертая группа БЧ2. В этом году лодка вышла из ремонта, там пришлось заменить основной экипаж, потому, что абсолютно никакого толка от них не было. Командование принял командир 351-го экипажа капитан I ранга Рачковский. Так как он «не наш», а со «Звездочки», то старшим помощником к нему определили Селиванова, бывшего командира БЧ2 и старшего помощника основного экипажа. Героическими усилиями ремонт закончен, лодка перешла в ЗапЛицу. В Белом море пыталась отстреляться опытными ракетами, и обе не вышли из шахт. Их сдали и нормально отстрелялись ими в Нёноксе. Лодка готовится к автономке, ситуацию в Средиземноморье, наверное, знаешь. Стажером командира 4-й группы пойдешь? С задачей найти неисправность. Контроль ракеты и пусковые прошли полностью, что зафиксировано средствами объективного контроля. Производитель и полигон просят поставить лодку к при-

чалу на 6 месяцев. У нас по плану через 20 дней отход в автономный поход. Пусковые должны быть готовы к практическим пускам до отхода. Да, и... Другого человека, с допуском на «ЗК10» и их ПУ, у нас в дивизии и флотилии нет. Командир четвертой группы допуска к «самостоялке» не имеет. То есть, фактически пойдешь командиром группы.

– Я же там никого не знаю...

– В курсе, сейчас познакомишься, старшина. А вот и они! Славка, открой.

– Да тут не заперто, Сергей Саныч. Это – мы.

– Раздевайтесь и проходите.

Сам Сергей вставать и встречать гостей не стал. Предпочел послушать все от стола. Задание было очень серьезным: найти ложное срабатывание о готовности. Но, «делать нечего, бояре...» Свои инструменты он захватил, так что, «вооружен, и очень опасен». Допуск он сдал, буквально, несколько дней назад. Александр Сергеевич не сказал ему: почему такая спешка. Выяснилось, чуть позже, что Сухорученков обратился во все инстанции в Ленинграде, искал спеца и не нашел. Новиков обещал ему помочь. Они служили вместе много лет. Вошел крупный круглолицый кап-раз, с такими же крупными и мясистыми ушами. Большинство волос уже покинуло его крупную голову, но кое-какой ежик еще сохранялся, достаточно слабо прикрывая лысину. Селиванов еще недавно, шесть лет назад, служил в училище, Сергей его помнил, но не был уверен, что кап-два его пом-

нит, все-таки, тогда он прослужил там не слишком долго. Он встал и представился. Сергей Саныч передал им бумаги от Новикова. Они поделили их и приступили к изучению. Хозяйка отваривала пельмени, начштаба доставал дополнительные емкости, а Сергей сидел тихонько, под «обстрелом» четырех глаз командира и его помощника.

Старший Сухорученков наполнил рюмки, сел, командиры поменялись бумагами. Даже в случае успеха, результат был важен только двум из них. Тот самый крупный круглолицый человек был совершенно не заинтересован в том, чтобы лишний раз рисковать. Явно, что он попытается отмазаться от предложения. Хотя отказ при пуске произошел под его командованием.

– А справится? Зеленый ведь еще совсем. – спросил он у начштаба.

– Не знаю, знаю Сашу, человека, который не может справиться, он бы не прислал. Других спецов по этой модификации просто нет.

– Ну, спец он, положим...

– Вот об этом не надо: вот 16 вариантов ложного срабатывания. Все он их нашел.

– А если там 17-й? – задал вопрос Селиванов.

– Их там двадцать три, товарищ капитан второго ранга. Семь из них исключены математической логикой. То есть, семнадцатого случая нет, и быть не может. – ответил ему Сергей. Селиванов постучал бумагами по столу, сбив их в

плотную ровную пачку, взял бумаги у командира и сделал с ними тоже самое. Затем соединил все в одну стопку, и засушил все в пакет.

– Сергей Саныч, я это заберу?

– Я тебя правильно понял?

Тот потянулся за «рюмкой чая» и взял ее в руки, понюхал.

– Клопами пахнет, зовут как, старшина?

– Сергей, Сергей Петрович.

– Наденешь канадку и робу без погончиков. О том, что ты – старшина и курсант – никто знать не должен. Парни у нас лихие и «мелюзгу» не любят. «Звезда» за что?

– За Джунгарские ворота.

– Твое здоровье, старший лейтенант. С лодки ни ногой. Все решаешь через меня. Я – на машине, могу забрать его с собой.

– Ты же выпил?

– Маша поведет. Времени совсем нет.

– На плавказарму не забудьте заглянуть, у него там вещи.

А ты, командир, что скажешь?

– Авантюра, конечно, но за удачу я выпью. За удачу!

Так и решилось его назначение. Неисправность он нашел через пять суток: блок был не готов к работе, но выдавал сигнал о том, что он исправен и работоспособен. Все остальное было исправно. Заменяли блок, провели «стрельбы» с болванкой и получили сигнал на поджиг вышибного порохового заряда. Такая же неисправность была и на второй пусковой

установке, дополнительно там была обнаружена небольшая негерметичность одного из сальников. Всё!

Приехали три адмирала: командующий флотилией, командир и начштаба. Адмиралов расплодилось, как грибов в Карелии в конце лета. В отсеке Сергея вырубился свет, какой-то гад, не предупредив, слегка раздал один из трубопроводов и из него хлестанула вода под давлением. Отсек герметизировали и наддули, течь устранили и приступили к проверке сопротивления кабелей. В этот момент раздалась команда прибыть в центральный. Пришлось сбросить давление и, потряхивая головой и продуваясь, он пошел через всю лодку. Сергей Саньч подмигнул одним глазом. Рапорты, глаза едят начальство, в результате у него появляется допуск на самостоятельное управление боевым постом.

– Владимир Лукьянович, до отхода в автономку принять зачет на несение самостоятельной ходовой вахты у стажера командира 4-й группы боевой части два. Сдаст – переводить в исполняющие. И пусть грузит «десятки». По заданию, в этом походе предусматривается боевое применение пусковых установок семь и восемь. Вы меня слышали, группер?

– Так точно, товарищ вице-адмирал.

– Готовы?

– Всегда готовы.

На следующий день доставили телеграмму от Ники, ко-

торая сообщала, что выезжает в Мурманск. Все замечательно, но официально она никто и звать ее никак, так как 01.08.1977 года пока еще не наступило, а Западная Лица – это обобщающее название 4-х баз подводных лодок двух флотилий. Сам военный городок стоит, обособясь между сопками, в стороне от них, и называется Североморск-7. Лодка стоит в Нерпичьей губе, там, кроме пары причалов и нескольких домов, вообще ничего нет. Разве что: окопы с «той» войны. Пришлось идти к Селиванову.

– Евгений Николаевич, тут мне телеграмму принесли, мне послезавтра надо бы побывать в Мурманске на вокзале. Что-то случилось, подробностей не знаю.

– От кого это?

– От моей невесты, у нас свадьба намечена на первое августа. Вот бумаги.

– Да, не мужняя жена, сюда, даже в «семерку», спецпропуск требуется.

– Вообще-то она из семьи североморца, так что, в курсе событий, вполне возможно, что пропуск она получила, но... Я же здесь на птичьих правах, и в гостиницу мне вход заказан.

– Эту проблему мы решим. Вот что! Вот адрес в Мурманске, это недалеко от вокзала, вот командировочное. Можешь «кукушкой» до Мурмашей, можешь до долины Славы, а там автобусом доберешься... Впрочем, мичман Макарычев, вроде как, семейство свое в Крым отправляет с утра, может у

него место будет. Сейчас позвоним.

Плохо в этих местах без машины! Интересно, что произошло, и почему вдруг? Макарычев согласился взять его с собой, и, зажатый между его супругой и беременной девицей на заднем сидении оранжевого «Москвича-412», цвета «апельсин-21», о чем несколько раз упомянул мичман, собиравшийся приобрести такую краску, чтобы «подмандить» (дословно) помятое крыло, которое ему на стоянке немного «поправили», «зиллок» задом въехал зимой, Сергей доехал до вокзала. Под разговоры об автомашинах и ценах в Крыму, приехали в Мурманск, через целую кавалькаду КПП по дороге. Четыре часа ожидания поезда были настоящим испытанием, так как у комендатуры, видимо, план был не выполнен. Но, обошлось! Появившаяся фигурка Ники была самой большой наградой. У нее в паспорте находился пропуск в погранзону, так что препятствий не возникло, перебрались на автовокзал, и через несколько часов прибыли в Североморск-7. Там Селиванов уже распорядился, чтобы им открыли чью-то квартиру, где они могли расположиться. Ну, а повод у Ники был, девятимесячный. Что, собственно говоря и ожидалось, в некотором смысле этого слова.

– Федор Михайлович в курсе?

– А кто мне делал все эти пропуска? В курсе, он узнал об этом раньше основного виновника.

– И как?

– Погрозил пальцем и сказал, чтобы обязательно был

мальчиком. Мне тоже этого хочется. В консультации сказали, что ему уже 6 недель, но, кажется, что они ошибаются: ему максимум пять.

– Это обычное явление, чтобы дорожный отпуск сократить. Сама как себя чувствуешь?

– На седьмом небе. Правда! Вот и не удержалась, чтобы не приехать. Я тебя не расстроила?

– Не говори глупостей. Все отлично. У меня тоже все хорошо, утвержден исполняющим обязанности командира группы, так что к свадьбе немного подзаработаем, и вот еще: это путевка в Геленджик и курсовка для тебя, но уже на новую фамилию.

– Я, вообще-то, хотела остаться Кожевниковой.

– Ты об этом не говорила, и, пойми правильно, по-другому эту курсовку было не получить, они для членов семьи, а как бы я доказал, что ты есть ты? Согласись, что это было бы невозможно, ведь документов еще никаких нет.

– Ну, да, без бумажки ты букашка. Я совершенно не обижаюсь и готова поменять свою точку зрения на этот вопрос. Это и есть то место, где мы будем жить, после училища?

– Вероятно. Есть еще один поселок. Чуть поменьше, но с более старыми домами. Может быть там, скорее всего. Здесь пока не готова позиция, основная сейчас там, в другом месте. Пойдем, тебя покормим?

– Я бы полчаса еще отдохнула после автобуса: постоянно вверх-вниз, немного утомительно.

– Тебе спинку помассировать?

– Мечтательно.

Это их задержало на пару часов, прежде, чем они выбрались на улицу. Ника с интересом рассматривала «штатные» панельные пятиэтажки, отличавшиеся от ленинградских наличием металлической крыши. Начинаясь строиться 9-ти и 12-этажные кирпичные дома повышенной комфортности пока достигли только 4–5 этажа. Большое количество детей, мамаш с колясками, множество легковых автомобилей и весьма дорогие наряды на женщинах, и постоянное мелькание черной формы и золотых погон. Обычный вечер в гарнизоне. Чтобы не светить погонами, не блиставшими звездами, Сергей переделся в гражданку, но это его не спасло. Прямо в кафе к нему пристал патруль, старшим которого был лейтенант с красными просветами береговой службы. Переговоры ни к чему не привели, но повезло «нарваться» на собственное командование, поэтому в комендатуру он не попал. Тем более, что был трезв, как стеклышко, но настроение им испортили.

Глава 4. В дальнем походе

Через день он проводил Нику в Питер, вернулся на лодку, а еще через семь дней маленький отряд кораблей Северного флота, в составе БПК, ЭМ, БДК, К-131, танкера и судна снабжения, вышел в Мотовский залив из губы Западная Лица, и обогнул восточную оконечность полуострова Рыбачий. Немного отойдя от полуострова, лодка ушла на глубину 50 метров, а отряд перестроился в походный ордер и, курсом 330 градусов, со скоростью 15,5 узлов, начал набирать широту для прорыва в Атлантику. Над ним закружились «Орионы» вероятного противника. Несколько раз неподалеку появлялись тройки «В-52». Корабли шли на боевое дежурство, выполняя, в общем, рутинную задачу по охране и обороне самого большого государства в мире. Каждое утро начиналось с «проворачивания оружия», проверки его на отказы и готовность. Одна вахта сменяла другую, десятый отсек жил «своей жизнью», Сергей его и не покидал, пока не получил втык от командира лодки кап-раза Рачковского, что он игнорирует посещение кают-компаний, где, кроме потребления пищи, происходят и более важные мероприятия, например, раздача клизм с патефонными иглами. Одну из которых обещали вставить исполняющему обязанности командира 4-й группы. Однако во время первого посещения кают-компаний Сергей захватил с собой три журнала, в которых было

подробно все записано и имелись росписи командира БЧ-2, и старпома, что командир группы бывает в обоих отсеках, где расположены его боевые посты, организовано обучение на новую систему целеуказания «Касатка» для личного состава боевой группы. Проведены предварительные работы по передаче данных комплекса на «старый „Успех“», систему управления, не связанную с «Касаткой», которая была уже спутниковой. Старый «Успех» был рассчитан на работу с самолетами Ту-16Р и Ту-126.

– Это же не предусмотрено проектом?

– Да, этот вопрос разработчиками не рассматривался, но в личной беседе сотрудники НИИПа говорили и показывали, что системы совместимы. Просто промышленникам требовалась новая тема, на новой элементной базе, на транзисторах и микросхемах. Тем не менее, ламповый «Успех» тоже может работать с ней. Требуется немного перенастроить несколько колебательных контуров в задающем генераторе. Мы на «своих» «Успехах» это делали. Все работало. Никакого «Д» не нужно. Другой вопрос, что наш локатор этого не потянет, все ракеты в залпе требуется сразу передавать космической группировке, и нырять. Но так даже безопаснее.

– Глобально мыслит группер! – удовлетворенно хмыкнул командир. – Пообедаем, зайди ко мне.

Несмотря на то, что сам он заканчивал училище вовсе не по ракетной тематике, штурманский факультет, но в вопросах применения у него был накоплен вполне солидный опыт.

К тому же, «Успех» был многократно дублирован, его «клоны» стояли во всех отсеках, над которыми находились пусковые установки.

– Ты вот, что, Петрович, в восьмом отсеке перенастрой «Успех» по этой схеме. Нам тут два года назад «Клемансо» пуск сорвал на учениях, очень не вовремя подослав свои «Супер Энтендэры». Так как намечаются крупные учения, и опять почти в том же месте, они попытаются загнать нас под воду еще раз. Ты меня понял?

– П-шестые-то упадут...

– А мы их и пускать не будем. «Десятки» в одном залпе уйти смогут?

– Должны, ограничений по времени пуска у них нет.

– Вот и я читал об этом. Сегодня получишь приказ о подготовке. А то мне прошлый раз выговоряку за это вlepили, и подчеркнули, что если повторится, то из «резерва» вылечу.

В общем, опять приказано прикрыть одно место начальству. Деваться некуда, в ближайшее время ему, в основном, будут предлагать такие операции. А там: как повезет, если успеет получить звездочки и уехать в аспирантуру, то на коне и со щитом, провалишь «миссию» – можешь забыть об аспирантуре и обо всем остальном. Сейчас, на 4-м курсе, он пока карьерой не рискует, смена погон спишет все ранее существовавшие проколы. Но поскрипеть мозгами придется! К тому же, они уже прошли Гибралтар, и «675-я» превратилась в душегубку: здесь вода прогрета летом до 29–30 гра-

дусов, и с глубиной не слишком сильно меняется. Только на максимале, а они идут в составе ордера, и нырять слишком глубоко им не дают. Все надеются на то, что подойдут американцы или французы, и тогда лодка уйдет под звуковой канал, и температура перестанет давить.

Через двое суток, тоже во время обеда, он доложил командиру, что его приказание выполнено.

– Молодец, Петрович. Молчи пока, «бычку» не докладывай, постукивает он.

– А кому здесь стучать?

– Есть кому. – мрачно сказал командир. Самого Алексеенко и замполита в кают-компании не было, сразу можно было догадаться: кто кому и когда стучит. Они вошли чуть позже, спросили разрешения и сели обедать. По окончанию обеда командир всех «обрадовал», что ночью предстоят корабельные учения по боевому применению. Они – плановые, а перенести их дату командир имеет возможность в любое время. Старпом, понимая, хмыкнул, ему тоже не нравилось противостояние командира и замполита, во всех случаях он оказывался крайним, тем более, что для этого экипажа он – «варяг», впрочем, как и Сергей. Селиванов заглянул в 10-й отсек перед ужином. Сергей еще спал, но Евгений Николаевич его разбудил.

– О чем шептались с командиром и почему перенесли учения?

Их отношения со старпомом давно выходили за рамки обычных служебных. «Дядя Женя» прекрасно помнил, для чего к ним в экипаж пришел этот «еще мальчишка», который сумел доказать, что в своей специальности он сечёт гораздо лучше большинства «групперов» и «бычков». На уровне «крутого спеца» из фирмы-разработчицы.

Немного повоевали на карте.

– Толково задумано. Ладно, поиграем в пас. Идем ужинать?

– Есть!

– Как Фетисов?

– Честно?

– Желательно.

– Толку от него не будет. Очень большие пробелы в подготовке. Так что...

– Он не из нашей дивизии. Главное, чтобы руки никуда не совал.

– Не сунет, он электричества боится, говорит, что в детстве сильно шандарахнуло.

Они оба рассмеялись и нырнули в очередной отсек.

После ужина командир оставил всех присутствующих и довел план учений. Начнутся они в спутниковое окно, предстоит всплыть, обнаружить цель, тот самый «Клемансо», и «на сухую» отстреляться по французскому авианосцу. «Окно» откроется в 02.17. По плану – два залпа, на всю катушку.

Распустив людей, командир попросил задержаться стар-

пома и Сергея. Сам ввел Евгения Николаевича в курс проблемы.

– Петрович, залп, главный, будет один. Последуют вводные, мы тут со старпомом покумекаем, как и что. Твое дело быстро получить целеуказание, прокатать пуск, передачу ракет в центр управления и сразу погружаемся. Если все пройдет как надо, еще до рассвета вновь всплываем, и возьмем на борт руководителя похода. Все понятно?

– Да.

– Техника не подведет?

– Кто ее, суку, знает. Заставим.

– Будем держать пальчики. «Клемансо» сюда не просто так приперся. По нашу душу. И рядом крутится, но в 500-километровую зону не лезет. Ученый, гад. А мы его удивим, от всей души удивим! Работаем! – он протянул руку сначала Сергею, потом старпому.

Боевая тревога прозвучала не то, что неожиданно, ее ждали, но тревожно и надрывно. Матросы, старшины и офицеры заняли свои места, начались доклады о готовности. 4-я ракетная группа была неудобна еще и тем, что была разделена переборками, все только по докладам, но уже была достаточно натренирована и обучена. Лишь бы вводными не замордовали. Так как предстояло использовать аппаратуру «Успеха», то Сергей заранее занял место в 8-м отсеке. По тревоге все переборки сразу задраиваются, и перейти из отсека в

отсек разрешает только командир. Выслушав доклады о готовности, он доложил на центральный, используя свою очередь, как будто находясь в 10-м. Лодка пошла на всплытие и вышла под перископ. Антенна «Касатки» выдвинута, пошел прием, который он сразу переводил к себе на «стол», а оттуда все уходило в центральный. Прошла вводная: лодка атакована противолодочными средствами, обнаружено поступление воды на боевой пост 2 в БЧ2, приступить к ликвидации аварии. Командование боевой частью 2 передается на боевой пост 4. Командиру группы подготовить данные для стрельбы.

– Данные для стрельбы готовы, держать перископную и следовать указаниям «Касатки». Курс 87 истинный, дистанция полста девять два нуля, пусковые установки 7–8 к выстрелу приготовить. Доложить о готовности.

Томительные тридцать секунд, в течение которых контейнеры занимают угол 14° , а ракеты и сама пусковая проходят контроль электросхем.

– Восьмая, контроль пройден, готовы к вводу указаний.

– Седьмая, контроль пройден, готовы к вводу.

– Цель – учебная! Ключ «четыре» снять! Законтрить!

– Я – седьмая! Ключ снят, законтрен.

– Восьмой пост, ключ снят, законтрен.

– Принять целеуказание. Ключ один на старт.

– Ключ один на старте.

– Служба «Р», доложить об уровне сигнала.

– Сигнал доступен, уровень высокий.

– Ключ два на старт.

– Ключ на старте, крышки пошли. Поступления воды нет.

Давление в норме.

– Ключ три на старт!

– Готово.

– Служба «Р»!

– Ответ получен, система готова.

– Учебный пуск!

– Ключ три, двойное нажатие! Есть сигнал на запуск, 100, седьмой.

– Аналогично, восьмой.

– Центральный! Учебные пуски произведены, сигнал передан. Прошу добро снять последовательно ключи.

– Пост четыре, ключи снять, пусковые в походное, об исполнении доложить.

Через пятьдесят секунд Сергей доложил о том, что установки в походном, контроль состояния пройден.

– Отбой боевой тревоги. Занять места согласно штатному расписанию по ходовой вахте. Личному составу 4-й группы объявляю благодарность за четкие и быстрые действия. Командиру группы прибыть в центральный. Служба «Р», что с окном?

– Еще сорок минут. Уложились.

– Боцман, всплывай!

Сергей теперь слышал только отрывки команд, он следо-

вал на центральный пост, когда он туда вошел, то командира там уже не было. Вахтенный штурман показал ему рукой на трап, который вел в ходовую на мостике. Запросив разрешение, он поднялся наверх. Там густая субтропическая ночь, крупные звезды, которые он не видел уже 20 суток. Щелкает ратьер, идет обмен светограммами по коду.

– Ждем командующего походом. Сработали четко. Благодарю за службу, в училище привезешь. Слушай, а не хочешь к нам, в 351-й?

– Я на арсенал пойду, в Видяево.

– А что так?

– Обещали направить в аспирантуру, товарищ командир. Мне делать эти штуковины гораздо интереснее, чем просиживать штаны в кресле группера.

– Жаль! Такие спецы нужны здесь, на лодках.

– Нужны, но для того, чтобы они здесь появились, требуется сменить систему обучения. Вернуть на флот офицеров, которые не только заполнять журналы умеют.

– По большому, ты – прав. Я, правда, не уверен, что у тебя получится своротить эту гору. Все равно, надумаешь, в жизни всякое бывает, вот мой адрес, пиши, буду рад включить тебя в экипаж. Иди, отдыхай. Нет-нет, стоп! Адмиралу тебя покажем. Так что, сиди внизу или покури на воздухе. Держи. – он передал старшине пачку сигарет из «Альбатроса». Через несколько минут, заметив подходящий характер, Сергей попросил разрешения спуститься вниз, на цен-

тральный. Адмирал задержался наверху, и спустился вниз только, когда «окно» начало закрываться. Выглядел он достаточно свеженьким, несмотря на глубокую ночь. «Благодарность» выросла в цене: замкомандующего флотом объявил благодарность командиру, старпому, командиру БЧ2, который участия в этом не принимал, замполиту, Сергею и личному составу 4-й группы благодарность. Для рядовых моряков в воздухе отчетливо запахло отпусками, но предстояло совершить еще и учебно-боевые пуски, причем, через голову вероятного противника. При этом требовалось его не утопить. Все зависело от этих самых ракет «ЗК10», которые флот еще вообще не пускал. К сожалению, об этом доложили в Москву, и началось! В лодку набилось столько проверяющих, что пришлось выселить на БДК 15 человек личного состава. По морю туда-сюда таскали непотопляемую мишень, стараясь поближе расположить ее между «Клемансо» и их отрядом.

Прошло еще восемь суток, прежде чем объявили, что начинаем. В восьмом отсеке яблоку упасть было негде! Вот в такой нервной обстановке и решили начать. Ну, и пришлось хитрить! Сергей занял свой пост в 10-м отсеке, оставив «бычка» на растерзание проверяющих. Перед этим он провел несколько проворачиваний с этого места и убедился, что надежно отключил пост управления в 8-м отсеке. Доложил об этом командиру. Тот немного нервно усмехнулся и

добавил:

– Они меня уже достали до печенок! Если пускать при них, точно «Клемансо» утопим, или сорвем пуск.

– Больше похоже на второе.

– Ладно, действуем!

Они отстрелялись, причем «Клемансо» находился всего в сорока милях от мишени, несмотря на то, что район учений был заранее закрыт. Рядом паслись черноморцы, против которых и «играли» североморцы, а французы просто мешали проведению учений. Пять кораблей СФ находились в 600 милях западнее и «играли» за «запад». Черноморцы оборонялись и изображали «восток». По ТТД, во всех справочниках того времени, лодка была вооружена ракетами П-6, с дальностью выстрела 500 километров и могущими попасть по цели только в условиях присутствия над учениями «тушек» двух моделей. Учения объявили, и все ждали того, что североморцы сейчас начнут движение на восток, а дальняя авиация СФ облетит западную Европу и со стороны Африки войдет в Средиземноморское воздушное пространство. Воспользовавшись спутниковым «окном», «К-131» всплыла и выпустила две ракеты с расстояния 5960 артиллерийских кабельтовых, чуть больше, чем 950 километров по ДБК. Пуск «профукали» все – его никто не обнаружил, лодка ушла на глубину, передав управление всем этим безобразием Евпатории и Краснодару, где находились ЦДКС (центры дальней космической связи). Траектория у этих ракет на такой даль-

ности достаточно высокая. «Клемансо» находился ближе к ним на сорок миль, и он первым обнаружил эту пару ракет. Через минуту на нем раздались звонки боевой тревоги, так как пеленг не менялся, и тут ракеты перешли в пикирование. А у него, кроме «Кроталья», с дальностью 10 километров и 6 км по высоте, ничего нет! Поднять истребители он не успевает. А теперь прикиньте: переход в пикирование произошел на высоте почти 25 000 метров. Цель находилась в 68 километрах от авианосца, и обе ракеты падали со скоростью более 3 Махов. Ну и что ты можешь сделать? Кроме, как молиться? По своей цели мы попали. «Мы» – это, конечно, громко сказано. Лодка находилась на перископной глубине и активно ничем не работала. Весь экипаж просто ждал результата. А «Клемансо» выпустил 16 ракет «Наваль Кроталь» в молоко с обеих установок, и ушел на ремонт. Так как «мишень» изображала именно авианосную группу противника, то это была чистая победа! Нокаут! Заодно и черноморцам досталось, так как у них все это дело тоже не получилось, сбить ракеты они не смогли, не успели их засечь, как они достигли цели. Совершенно неожиданно на борту ПКР «Москва», помимо контр-адмиралов Акимова и Рябинского, оказались адмирал флота Советского Союза Горшков и адмиралы флота Сергеев и Егоров, оба заместителя главкома. Отряду кораблей СФ было приказано следовать в точку «72» и ожидать прихода крейсера «Москва».

Точка «72» – это на границе между Египтом и Ливией³. Корабли поставили к причалам и началась в бешеном темпе их покраска к приезду «огромного начальства». В порту было пять небольших причалов и несколько бочек для постановки на якорь крупных кораблей, типа ПКР «Москва» или «Киев». Через двое суток на горизонте появился авианесущий противолодочный крейсер, который встал на бочку в полумиле от причала, к которому притулилась «несчастливая „Щука“». Солнце печет так, что через «храмачи» ощущаешь этот жар, несмотря на то, что палубу только что окатили из пожарных шлангов.

– Ну, набедокурили, набедокурили мы. Кто ж знал, что такие «силы» здесь соберутся. – сказал командир замполиту, который на говно изошел полностью. Горшков о целях своего визита на борт еще не объявлял, но полученная от него РДО ясно говорила, что остальные корабли эскадры его не интересуют. Благо, что на корабле снабжения находились запасные «десятки», две, последние, боевые. Их успели погрузить в пусковые, так как встречать высокого гостя с пустыми шахтами, значит точно лишиться должностей. Катер отвалил от «Москвы» и стремительно понесся прямо к причалу. Быстрая швартовка, и, пытаясь чеканить шаг, а после длительного сидения в консервной банке это совсем не просто, весьма тяжелый командир пошел на встречу Главкому.

---

³ Сейчас там огромный нефтяной терминал Мисурата, тогда порт снабжения 5-й Средиземноморской эскадры

Доложился, они обменялись рукопожатиями, и начальство пошло к борту. Экипаж выстроился на баке и сразу за ходовой рубкой. Остро воняло чернью. Причал довольно изогнутый, а лодка совсем немаленькая, 10 отсеков. Адмирал поздоровался с ними прямо с причала, глянул на небо без облачка, и приказал спустить людей вниз. Как только куча адмиралов прокряхтела на трапе, который вел в центральный пост, так боцман снова запустил орошение, ибо температура в отсеках перевалила за 30 градусов. С его и божьей помощью «королей говна и пара» ее удалось немного сбить. Владимир Лукьянович доложил о проведенных стрельбах.

– Ах вот оно что! Кто командир БЧ?

– Я, старший лейтенант Алексеенко!

– Благодарю за службу, представить к ордену, к Красному Знамени.

И тут произошло неожиданное:

– Товарищ адмирал флота Советского Союза! Не за что его награждать. Подготовку комплекса и сами стрельбы провел исполняющий обязанности командира боевой группы «Четыре» главный корабельный старшина, курсант 4 курса ВВМУПП имени Ленинского Комсомола Старинов. У него единственного есть допуск к управлению ракетами «3К10». Он здесь на практике с 28 мая этого года. Комплекс новый, специалистов на него на Северном флоте нет. На первых пусках произошел отказ обеих пусковых установок. Ракеты не вышли. Пускали представители разработчика, «Нова-

тора». Промышленность просила полгода, чтобы разобраться с причинами. Дивизия запросила Ленинград, и прислали его. Обе пусковые были им отремонтированы, он предложил действовать так, как мы действовали, перенастроил «Успех» в 4-й группе, наладил работу «Касатки» через старый «Успех», не модернизированный. Его еще даже не поставила промышленность. Его нет. Обеспечил выполнение задачи полностью. – сказал кап-раз Рачковский.

– Где он? – спросил Горшков.

– А кто разрешил передать боевую группу курсанту? – тут же задал вопрос адмирал флота Егоров.

– Решение было принято мной, старшим помощником командира Селивановым. Это решение поддержал начальник штаба 7-й дивизии АПЛ контр-адмирал Сухорученков. После того, как курсант нашел неисправность и заводской брак в пусковых установках, к этому мнению присоединился и командир корабля.

– Приказ на назначение его исполняющим обязанности командира группы подписан вице-адмиралом Михайловским, командующим флотилией. – добавил командир лодки. А в руках у старпома оказался тот самый конверт, который он забрал у Сухорученкова.

– Товарищ адмирал флота, главный корабельный старшина прибыл в дивизию по рекомендации бывшего инженера по вооружениям 7-й дивизии АПЛ капитана I ранга Новикова, начальника 2-й кафедры во ВВМУПП имени Ленинского

Комсомола. Вот его рекомендация. И, старшиной проделана огромная работа, чтобы точно выполнить поставленную задачу на не до конца оборудованной опытовой лодке опытными ракетами. Эти ракеты позволяют нашим лодкам атаковать авианосные соединения вероятного противника без вхождения в зону действия их противолодочной обороны.

– Пусть подойдет. – довольно мрачно сказал Горшков. Сергей вышел из-за спин больших и малых начальников, повернулся и доложил.

– А «Красная Звезда» откуда?

– Награжден в 1974-м году за бои на советско-китайской границе.

– Пограничник?

– Командир группы войск специального назначения ГРУ ГШ.

– Про ГРУ мы слышали, а вот о такой должности там – нет.

– В бригадах спецназ так называется низшая офицерская должность. Разведгруппа по численности чуть меньше взвода. Здесь я тоже группой командую.

– Ладно, курсант так курсант. – Горшков поднял руку и подал кому-то знак. Ему передали коробочку, откуда он извлек самый старый орден СССР. Адмирал откинул пружинку и приколот его на белую рубаху с отложным воротником старшине. – От имени и по поручению Верховного Совета СССР поздравляю вас с награждением орденом Боевого

Красного Знамени.

– Служу Советскому Союзу.

– Вот и служи. Душно тут у вас. Продолжим на крейсере. Старшину с собой захватите. А ты, старшина, всё по «изделию», всё, что есть, но – основное. – ему подали платок, адмирал вытер выступивший пот и прошел к трапу. Все потянулись за ним, ну и «захваченному старшине» пришлось прокатиться на адмиральском катере. Его даже подождали, пока он бегал за бумажками.

На ПКР всех сначала направили обедать, кстати, у надводников вопрос с питанием стоял на пару ступенек выше, чем у подводников, хотя те считали совершенно наоборот. Но фактически дело обстояло именно так. В конце концов, все эти «котлеты по-киевски» были обыкновенными консервами. Да и нет на лодках места, где можно держать разносо-лы. И тягать их во внутрь замучаешься. Да, дефицитов на лодки поставляли больше, бесспорно, но пища была весьма однообразной. От коков, конечно, зависело, но сами понимаете: лодка не может взять с собой ту же самую картошку, очистки девать некуда, соответственно, вместо нее используется сухой картофель в банках, в виде скользкого пюре, вместо свежих томатов – то, из чего делается томат-паста, спиртованный хлеб, и тому подобная гадость. И никакие «котлеты» это переломить просто не могут. Плюс, «Москва» только-только подошла, а у ее борта уже стоит снабженец, и с

него перегружают всякие местные вкусняшки: свежее молоко и сметану, овощи и фрукты, свежее мясо, йогурты, супердефицитные в то время в СССР, творог и изделия из него. А главное, в кают-кампании работал кондиционер, а на «675-х» он отсутствовал, как класс, несмотря на обилие электричества от двух ядерных реакторов. На переоборудовании, которое началось где-то в 1975-м году, эти штуковины начали устанавливать. До этого промышленность из попросту не выпускала, а проект – разработки конца 50-х. На «К-1» стоял, немецкий из ГДР, но мог обеспечить только два отсека по мощности и те места, перегрев которых «опасен для окружающих», места установки аппаратуры. Существовал и продолжает существовать универсальный способ снижения температуры в отсеках: вентиляция. При понижении давления в отсеке там даже иней может выпасть, если его хорошенько продуть, но за состояние вашего здоровья государство ответственности не несло, все находилось в руках «королей говна и пара».

Главком, видимо, принимал душ и тоже питался в своих апартаментах. Сергея пытались не пустить в кают-кампанию, но кто-то «из» отстранил ретивых «местных» и провел его в святая святых. Присутствие целого десятка «крупняка с лампасами» несколько давило, но сегодня Сергей был чуть ли не во главе этого бенефиса, хотя, несомненно, максимально отличали командира и старпома, которые рискнули и отдали всё на откуп курсанту, то есть, прокатали новую схему атаки

авиагрупп. Многообещающе прокатали. Судя по произносимым тостам, а «тропвино» на столах присутствовало, командиру предстояло войти в когорту адмиралов, а старпому прочили получение лодки под командование. Там посмотрим, как сложится: из-за «терок» с замполитом произойти могло все, что угодно (забегая чуточку вперед: командир адмиралом не стал, старпом получил несчастливую «щуку» под своё командование, но через некоторое время на Северном Флоте стала популярной песня «Спит девятый отсек, спит девятый, жилой». Это про «К-131». Кислород дико не любит промасленную робу. Не постиравшийся вовремя старшина-электрик полез куда не надо было. Два отсека выгорело. Селиванов был командиром). Затем к Сергею и его двум командирам подошли подтянутые офицеры в форме ВМФ, но к ним не особо относившиеся. Главком был личным другом «дорогого Леонида Ильича», и находился под опекой 9-го управления КГБ СССР даже на ПКР «Москва», «Киев» и «Тбилиси». Так сказать, «элита», «кремлежитель». Ничего такого, просто за состоянием его здоровья и безопасностью следили люди из этого управления. Он приравнивался к «руководителям государства», хотя реальной властью обладал только в узком кругу профессиональных моряков. Тем не менее, именно при нем советский флот вышел в океан и превратился во «флот». Хотя, ходила и поговорка о том, что флот «обгадили» и этим же «горшком» прикрыли. Точно могу сказать, что «нет». Он реально, годами, используя, в

том числе, свои связи с «Ильичом», строил океанский флот СССР. То, что постарались впоследствии угробить в первую очередь наши «вероятные противники», как только дотянулись до «рычагов». Его обломки мы сейчас и наблюдаем.

Адмиральская каюта находилась в надстройке на левом борту и чем-то особенным она не отличалась. Бросилось в глаза отсутствие портрета Брежнева, что, в некотором смысле слова, как бы подразумевалось. Однако с переборки на них смотрел «вождь мирового пролетариата». Все трое вошли и стояли по стойке смирно, пока не получили приглашения присесть за «Г»-образный стол, как в обычном кабинете крупного начальства.

– Возьмите, товарищ Селиванов, прямо «ода», читал – радовался. Испытывал гордость, что не перевелись еще богатыри на Руси. Сомнения были?

– Еще какие, товарищ Главком. Я уже двенадцать лет на этом проекте, восемь из них «бычком-2». Приезжают каждый год ребяташки из «школы имени Достоевского», и начинаешь их переучивать. Ни хрена не знают, в голове сплошная каша, такое впечатление, что впервые в жизни наши болванки увидели. Но, две звезды на погонах, один просвет, и абсолютно чистый мозг, похожий на задницу, без малейших извилин. Это – обычное состояние выпускника единственного училища, где их «готовят». И, главное, ничего не хотят знать. Я, первые пять суток, из восьмого-десятого просто не

вылезал, присматривался. Руки у него оказались вставленные в то место, откуда они должны расти. «Черные ящики» он «щелкал», как хотел: вытащит, отсоединит, обвешивает приборами, подстраивается, пощелкает, «рабочий», и лезет дальше. Причем быстро, как в буфете или холодильнике. Потом вдруг: сигнал двоит! Тут же распотрошил блок, куда-то потыкал, и полез в схему. «Нашел! Ошибка в сборке, он не может показать, что он не исправен».

– Старшина, почему?

– Там настройка по частоте и фильтр. Настраивать требуется довольно точно, дело довольно муторное, часа четыре возился, прежде, чем настроил блок. А если перекинуть один провод, то сигнал будет приходиться только положительный. Блок не настроен, но пройти ОТК может свободно. Какая-то хитрая задница именно так и сделала: сигнал о неготовности блока уходил на землю, а блок докладывал, что у него все исправно.

– Дайте номер блока, и «автора изобретения».

– Вот, товарищ адмирал. – Сергей передал выписку с шильдиком обоих приборов.

– Ладно, с этим разобрались. Поговорим о «болванке». Что скажете?

– Честно говоря, это лучшее, что у нас есть, в первую очередь, из-за подводного старта. Все эти «500», «700» и «1000» давно просятся на помойку, так как скрытностью не обладают, и залп делить на два приходится. Стартовый ускорение

тель слабенький, подпора на входе почти нет, на «семисотке» этот вопрос, вроде как решили, но калибр удвоился, они же ускоритель под ракету воткнули. А состав смеси использовался еще на «катюшах». Где «баллистит-Б»? Вот на ней он есть. Да, на метр длиннее и «675-й» проект будет нести только шесть ракет. Но есть возможность поставить 24. Лодка, конечно, будет малость широковата, но 24 ракеты гарантированно войдут. Вот так. – Сергей без всякого разрешения взял остро заточенный карандаш из «адмиральского стаканчика» и показал пальцем на чистый лист бумаги. Изобразил прочный корпус «675-го» проекта, и два ряда шахт сбоку от него под углом в 45 градусов. – И все это закрываем легким обрешиненным корпусом. Это не «шахты», а необслуживаемые контейнеры с минометным стартом. «Десятка» такой старт однозначно выдержит, версия для БРАВ предусматривает такое. Вот только, как мне сказали, на нее закрыли финансирование, так как не готов «Успех-Д», а он пока не нужен, нужно перенастроить имеющиеся командные системы, как мы это сделали на «К-131», и использовать лодки чисто как транспортные: подошли на 1000 километров, под перископ, получили ЦУ, залп, и передаем все богам космоса, а сами на базу или к судну снабжения.

– Голова, светлая голова! Товарищи, а что он в училище делает? Давайте дадим ему старшего лейтенанта и пусть займется перенастройкой «Успехов». – сказал Горшков.

– Так ведь, перенастраивать-то нечего, товарищ главноко-

мандующий. Таких пусковых только две на двадцати шести лодках. Их я переделал. И... мне еще два года учиться, из 8 типов крылатых ракет, принятых на вооружение, я успел изучить только два: вусмерть старую «П-6», и непринятую на вооружение «ЗК10». Кому я, недоучка, буду нужен на флоте? Тут их выше крыши навалено.

– Самокритика у Вас присутствует. Это хорошо! То есть, говорите, что рано?

– Спасибо, конечно, за предложение, я хочу нормально доучиться и прийти на лодку с такими «десятками» или лучше. Очень хотелось бы принять участие в их проектировании и принятии на вооружение. Есть у меня несколько предложений, как их улучшить.

– Какие, например?

– Им не хватает собственного вычислителя и получения текущих координат места.

– Да, старшина... Очень жаль, что мало таких молодых людей поступают к нам учиться. Все рвутся на гражданку и в сферу обслуживания. Беда, просто.

– Менять надо программу обучения, тогда и спецы появятся. Я же чуть ли не силовым методом получил доступ к блокам управления. Они же закрыты для всех, а разработаны они более 20 лет назад. Эта элементная база – 40-х-50-х годов.

– Транзисторы? Микросхемы? Горят они от импульсов и проникающей радиации при взрыве.

– Вполне возможно, но проще их дополнительно защитить от этих факторов, чем мучиться с весом этих устаревших схем.

– Возможно. Главное, что вы, товарищи офицеры и старшины, сделали, это прорвали ПЛО и ПРО противника. С промышленников я теперь не слезу, и вот этот эскиз, старшина, я забираю. Заканчивай свое училище, мешать не будем. Думаю, что свою практику ты уже получил, Командир, как считаете, зачтем ему ее в полном объеме? Отпуск и премию он заслужил.

– Не возражаю.

– Ну, тогда заполняйте бумажки, сюда летит мой борт, заберем его в Москву, пусть лишние три недельки отдохнет где-нибудь на берегу Черного моря. Хорошо поработали, старшина. Так держать!

– Есть так держать!

– У вас четыре часа на сборы, ждать меня на причале.

– Есть!

– Все свободны, ваше награждение произойдет рабочим порядком. Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу! – они вышли из каюты адмирала.

– Я же говорил: авантюра! – сказал командир уже на катере, который доставлял их на лодку, – Но, проскочило! Ну, старшина, ты похоже в рубашке родился.

– В свитере, как у Вознесенского.

– Пусть будет в свитере. Вернуться с первой плавательской практики с орденом и благодарностью главкома – слов нет, одни слюни! Но ты это сделал! Смотри, теперь очень многие захотят тебе ножку подставить! Аккуратнее там, на берегу.

«Знали бы они, что мне еще предстоит этой осенью!» – подумал Сергей, но вслух сказал: «Мы такие, мы – прорвемся. Цитата, если что!».

Отдав приказание подготовить документы и расчетный лист по денежному довольствию, командир позвал их со старпомом к себе в каюту. Из командирского «резерва» на столе появилась черная икра, несколько баночек которой перекочевали в качестве подарка к свадьбе в вещмешок Сергея. Пара стопочек «Ахтамара» помогла справиться с редкими бутербродами. У командира был готов черновик отзыва, который он дал прочесть старпому, который вставил несколько строк, вызвал начальника радиостанции, и передал ему черновик, с приказом быстренько отпечатать это произведение искусств.

– Будешь в Москве, вместе со всеми езжай прямо в главный штаб, и там отдай в финотдел все вот эти бумаги, иначе придется в Видяево ехать и получать там. Так что, не поленись. Так, там же зайти в 202-й кабинет, спроси кап-три Соловьева, и передай вот этот пакет. Он курирует наш экипаж, и сделает тебе и твоей супруге путевки.

– Она же еще не жена.

– Да не бери в голову. Конечно, по уму надо бы вам перенести свадьбу, раз время появилось, но в Ленинграде вечные проблемы с дворцами бракосочетания. Но, сам упрешься и разберешься. В общем, спасибо тебе, Сергей Петрович. Заканчивай свою бурсу, и возвращайся. Мы со старпомом будем тебя ждать. Так, Женя?

– Без вопросов. Примем, как родного, то, что потом шкуру спустим, если что не так, так ведь это любя и для профилактики. Верно ведь. Шучу! Но служба – она такая. Держи краба и поторопись! Гаврилов! Где бумага! – крикнул он по «Березке». Отзыв о практике подписали оба, заставили подписать его «замполлитра» и скрепили корабельной печатью. Поднялись с ним на палубу и сошли на берег. Вместе с ними вышли практически все офицеры корабля и свободные от вахты матросы его группы. Катер главкома отвалил от борта крейсера, а на пирсе появились «джипы» Тойота Ландкрузер. Комсостав построился для встречи, перед этим Сергей со всеми попрощался. Зазвучало захождение, все-таки, главком, как-никак, и единственный корабль у стенки обязан издавать такие звуки. Место досталось только в третьей машине, но, в тесноте, да не в обиде. Сели в Бельбеке, пока Ту-134 заправляли, пришлось поприсутствовать при снятии стружки с группы авиаторов главкомом, но через полчаса снова взлетели, и сели в Астафьево.

Никто не стал возражать и старшину доставили в Главный штаб, где выяснились очень интересные детали произошед-

шего: во-первых, его рассчитали по 29 июля со всеми полярками, океанскими, инвалютой вместо суточных (заход в иностранный порт был!), ее, правда, выплатили по текущие сутки, но заход в порт считался ремонтом!!! а это 25 инвалютных рублей в сутки, выписана премия в размере месячного оклада, выдали заполненную орденскую книжку, в которую был вложен листок гербовой бумаги, позволявший его владельцу приобрести автомобиль «Жигули» без очереди. Вот это подарок! В тот же день он вылетел самолетом в Ленинград, они взлетали каждые сорок пять минут, и ровно через эти сорок пять минут он приземлился в Пулковое. Мелочиться он не стал, взял такси и через пятнадцать минут был на 5-й Красноармейской, в объятиях Ники.

– Ты каким образом? – спросила она его, когда чуточку отдышалась от поцелуев и объятий. Пришлось раскрывать вещмешок, портфель и показывать «подарки судьбы». Через час появился Федор Николаевич, который несколько офигел от услышанного. Взял и позвонил Неволину. Тот прислал свою «волгу» за ними. Нику тоже пригласили, и там же решился вопрос о ее переходе в училище. Вице-адмирал предложил и свою «схему», как использовать предложение главнокома.

– Пойми, Сережа, зачем терять время, если командование считает, что ты уже заслужил звание офицерское звание? Ты его получаешь, мы тебя принимаем на вторую кафедру, ты ведешь практику в четырех группах 130-й и 140-й рот, как

все пишешь диплом и выпустишься старшим лейтенантом. Согласуем этот вопрос с главкомом, и все решим. Кстати, это прямой путь в аспирантуру, и, пойми правильно, большой плюс училищу! Да и, одно дело – оклад старшины, даже с Ленинской стипендией, другое дело лейтенант-преподаватель, с плавательскими практиками на учебных судах, с заходами в заграничные порты. А у тебя молодая и красивая жена. Да и служить будешь в Ленинграде, а не на Севере или Дальнем Востоке. Не дергайся, вопрос решен.

С авто вопрос решился еще проще, причем, без участия самого Сергея. Федор Николаевич, оказывается, в процессе подготовки свадьбы дочери, успел познакомиться с родителями Сергея, они перезванивались, и именно из-за них он не рекомендовал переносить день регистрации, потому, что они уже купили билеты в Ленинград, а сделать это достаточно трудно летом: время отпусков, и билеты все давно распроданы. Даже высокое воинское звание, но по запасу, не давало возможности свободно их обменять на другое число. На следующий день, после небольших торжеств в училище, о которых уже было сказано, он позвонил отцу Сергея, рассказал о том, что произошло, обо всем, что сказал вице-адмирал Неволин.

– Петр Васильевич, а давай детям машину подарим на свадьбу, за БКЗ и досрочное производство в офицеры. Тем более, что право на внеочередное приобретение машины он имеет.

– Смысл в этом есть, а то пока накопят, так и просрочат возможность купить, или еще кто-нибудь, что-нибудь придумает. Я за!

– Договорились.

Прошла еще неделя, утром позвонили из училища, уже на Петроградку, и приказали прибыть туда. Курсантов в самом училище не было, все на практике. Сергей прибыл точно к 10 утра, как было приказано. В самом училище шли приемные экзамены, но они проводятся в лагере, в Серой Лошади. Однако человек пятнадцать-двадцать преподавателей стояло перед парадным входом в парадной форме. Ему приказали встать в строй и ровно в 10 из дверей вышел начальник училища. Дежурный по училищу отдал рапорт и занял свое место рядом с ним, чуть сзади.

– Товарищи офицеры! Главный корабельный старшина Старинов, выйти из строя!

– Я, есть!

– Смирно! Приказом министра обороны СССР за особые заслуги в разработке методов прорыва противолодочной и противовоздушной обороны авианосных соединений вероятного противника главному корабельному старшине Старинову Сергею Петровичу досрочно присвоено звание лейтенант, с переводом его в преподавательский состав 2-й кафедры нашего училища. Во время плавательской практики в составе экипажа АПЛ «К-131», старшина Старинов модер-

низировал и подготовил к практическим стрельбам новые пусковые установки к новейшим опытным ракетам проекта «Агат». Двухракетным залпом с расстояния почти 1000 километров была поражена мишень в Средиземном море. Курс ракет проходил через позицию, где крейсировала французская авианосная группа во главе с авианосцем «Клемансо», которая не смогла зафиксировать время и место залпа, и не смогла сбить идущие на цель ракеты, хотя и применила свое вооружение. Французы не успели поднять свои самолеты. Сорвать совместные учения двух флотов «Южный рубеж-77» им не удалось. За свои действия главный корабельный старшина Старинов был на месте награжден орденом Боевого Красного Знамени главнокомандующим флотом Советского Союза адмиралом флота СССР Сергеем Георгиевичем Горшковым. Он же ходатайствовал перед Министром обороны маршалом Устиновым о досрочном присвоении первого офицерского звания курсанту нашего училища. По ходатайству капитана I ранга Новикова, который и подготовил его на проект «Агат», мной издан приказ о зачислении лейтенанта Старинова в состав преподавателей практического курса по применению оружия кафедры номер два. Лейтенант Старинов!

– Я!

– Поздравляю с получением первого офицерского воинского звания!

– Служу Советскому Союзу!

– Ко мне! Разрешите вручить вам личное оружие и удостоверение личности офицера ВМФ. Распишитесь!

Сергей расписался, распрямился, кортик в левой руке, он отдал честь стоящим перед ним улыбающимся офицерам и еще повторил сказанные уже им главные слова.

Встав в строй, первое что услышал, был вопрос, сказанный очень тихо:

– Форма-то готова?

– Нет еще, дня через три будет готова.

– Непорядок, заранее принято ее готовить.

– Товарищи офицеры! Вольно разойдись! – подал команду Неволин, подмигнул Сергею и ушел к себе, оставив его наедине со старшими офицерами-преподавателями. Эти были настроены доброжелательно, но проезжались по поводу отсутствия у него формы.

– Ой, да ничего. – Сергей расстегнул ремень и повесил на левый бок кортик. Но решил не рисковать и дошел только до квартиры тестя.

– Мы тут с Петром Васильевичем малость покумекали, есть предложение заехать за Никой и съездить в Красное Село.

– Это еще зачем?

– А там и узнаешь.

На машине тестя доехали до Большого проспекта, Ника явно была уже в курсе происходящего, попросила его переодеться, и они вновь сели в машину. По недавно построен-

ному виадуку через Балтийскую ветку выехали на Таллинское шоссе и остановились возле автосервиса «ВАЗ». Бумаги она все захватила с собой. Пришлось показать новенькое удостоверение, Ника достала внеочередной сертификат. Его долго крутили и рассматривали местные «деляги», дескать, внеочередных машин нет, все строго по очереди, мы закажем дополнительно, зайдите в августе.

– Где мы будем в августе – никто не знает. Бумага есть, машины стоят.

– Но они же уже распределены.

– Я в курсе, и в курсе того, как это делается.

– Ну, если в курсе... Ладно, идите выбирайте, вон в том ряду, там для внеочередников.

Угостив местного механика «фирменной» сигаретой, получили консультацию:

– Вон к той, темно-синей присмотритесь, у нее 1940 кубиков и итальянский карбюратор. – за что ему, после того, как удостоверились и послушали движок, досталось несколько пачек Мальборо. Он записал номер, и передал им его. Дальше – проще, но все равно более часа оформляли, расплачивались. Заодно оформили доверенность на управление на Нику. Она освоила машину первой! Ну, и тронулись в обратный путь, с бумажными знаками под стеклом. На Петроградке им в выдаче госзнаков отказали, езжайте на Лабораторный. Но там довольно быстро все оформили. Сергей прикрутил новенькие бело-черные номера. Тут же встала проблема:

куда поставить машину? Да еще и новенькую! И без сигнализации. В общем, не было печали, купила баба порося! Спали в пол уха, одним глазом посматривая на машину. Утром на Энергетиков загнали ее в бокс, им впаривали немецкую, «бош», «фирма́», но пожилой мужик, слесарь, сказал:

– Не парьтесь, давайте я вам микрик поставлю куда надо и вон тот стопор на педали возьмите. Далеко собрались?

– На юга.

– Ничего надежнее не существует. А так, она пальцем открывается, линейки в любом магазине продаются. С сигнализацией и без нее. Ищите гараж!

«Где ж ты его найдешь на Петроградке?», однако нашли во дворах на Зеленина, и обосновались там надолго, возле котельной.

Ну и, немного после этих хлопот, заехали в «Березку». Сам Сергей провел будущую супругу, оставил ее там, потому, как у нее намечались чисто женские покупки, а сам перешел улицу и ждал ее неподалеку от машины на набережной. Там как раз мост на Петроградку. Так как вход в эту самую «Березку» был строго регламентирован, то пришлось новенькую форму парадную надеть. Но, после прохождения «фейсконтроля», там, внутри уже никто не спрашивает откуда у тебя чеки? Прошло довольно много времени, Ника, наконец, вышла из магазина с «фирменными пакетами», а они ее уже успели переодеть, да и до свадьбы оставались счи-

таннные дни. Она переходит через улицу, и тут женские голоса начинают ее звать по имени. Человек пять или шесть худеньких, небольшого росточка девчонок махали ей рукой, но она не реагировала. Подошла к машине, открыла ее ключом, вытащенным из сумочки, подняла изнутри защелку задней двери, и стоит забрасывает в машину покупки.

– Сережа, поехали.

Сергей подошел, и спросил у нее:

– А там не тебя зовут?

– Меня, пусть кричат.

Девчонкам мешал перейти улицу светофор и стоящий на перекрестке гаишник.

– Садись, поехали. – сказала она. Он сел справа, она за руль, и тронулась, им был зеленый.

– И кто это?

– Не узнаешь? Эти шестеро учились со мной в одном классе, и были распределены в Кирова, и в Мюзик-холл. Никакой радости от этой встречи я не испытываю. Пусть завидуют! «Мой бравый старшина имеет ордена», а у них такого нет! – достаточно ехидно сказала она и помахала девочкам ручкой. То есть, со своим прошлым она окончательно рассталась и возвращаться к нему не намерена, что не могло не радовать Сергея. Он уже успел привязаться к этой девушке и считал ее и ее семью полностью «своими». Оставался мизер: послезавтра требуется быть в Пулково, прилетают его родители, которых предстояло познакомить с будущей же-

ной. Честно говоря, он не считал, что с этим могут возникнуть сложности. Невеста полностью «соответствовала требованиям»: высшее образование, плюс аспирантура, квартира в центре города, отец – преподаватель, брат – тоже. Все моряки. Не должно быть казусов, тем более, что все пока идет четко по плану, и даже с некоторым опережением. Потерянные на срочную службу годы он наверстал, получив первое звание всего на полтора месяца позже, чем те ребята, которые поступали в училище вместе с ним в первый раз. И вдруг им доставляют телеграмму, что с утра необходимо встретить самолет из Алма-Аты, хотя им известно, что родители прилетают через день. Через час дополнительно приходит информация, что встречать требуется экипаж этого самолета. Делать нечего, поехали «ловить» утренний рейс. Так как оба в отпусках, то больших проблем не было. Единственный вопрос: «как поймать» экипаж, если на поле не выпускают? Но, обошлось, расспросили кого надо и им объяснили: куда надо встать, чтобы встретить именно экипаж и именно этого самолета. Уже объявили, что самолет сел, встречающих направили на первый выход, но служащий аэропорта помахал им рукой, что не ходить, а ждать. Действительно, через минуту, еще до того, как первые пассажиры по транспортерным лентам добрались до первого выхода, к зданию Пулково два подъехал автобус, из которого вышло восемь человек в форме «Аэрофлота», мужчин и женщин, а впереди у них ехала тележка из едва входивших тогда в моду «Универсамов», на

которой ехала «она»: 32-килограммовая дыня из Кызыл-Орды, сыр-дарьинская. Так сказать, продукт детства, отец довольно долго служил в «Ласточке», где неподалеку строился новый космодром, третий по счету после Капустина Яра и площадок на реке Емца. Там строилась «пятая площадка», а рядом протекала река Сыр-Дарья. В том климате они достигают огромного размера. Так как Сергей был форме, то даже представляться не надо было.

– О, молодожены нас встречают! Сергей, ты меня не помнишь?

– На дядю Витю, капитана Ершова похожи.

– Это я и есть. Маринку, мою, помнишь?

– Маринку помню.

– Это от нее, она, по-прежнему, в Тюра-Таме живет, только фамилию сменила, а я вот поменял Ил-28 на Ил-62. Уже лейтенант! Господи, как года бегут. А Вас как зовут? – обратился он к Нике.

– Я – Вероника.

– Маринка на семинаре в Алма-Ате встретила с Нелли Ильиничной, узнала о предстоящем событии, мальчишки из Вашего класса все разъехались, Сергей, а пятеро девчонок замуж повыскакивали за местных летчиков и ракетчиков. Одна стала женой космонавта. Вот они и выслали оттуда вам подарок.

– Вы в город? Мы на машине.

– Нет, у нас два часа отдыха, и обратно в Алма-Ату. Се-

рега, Вероника, поздравляю с бракосочетанием. Пусть у вас будет такое же большое счастье, как эта дыня!

Тележка «принадлежала» кому-то в Пулково, поэтому далее дыню пришлось нести, прижав к груди, под завистливые взгляды таксистов и тонкие намеки, что ножик у них есть, и можно приступать к дегустации. Главное украшение праздничного стола появилось!

Ну, и, знакомство Ники с родителями прошло более или менее успешно. Мама, правда, сразу определила, что скоро станет бабушкой. Тряхнула копной волос.

– Вот так вот живешь-живешь, все вроде молодая и стройная. И тут бац: бабушка! Кто будет?

– Не знаем.

– Мальчишка, такой же непослушный, как и ты. Помняни мое слово. «Наши внуки отомстят за нас нашим детям!» Кажется, это цитата. – она потрепала Сергея по волосам, и улыбнулась. – Просто годы летят, считать не успеваешь.

Разузнала о диссертации Ники, и тут же задалась вопросом, а что, ты отставать надумал?

– Да, нет, мам, меня к аспирантуре уже приговорили. Только училище надо закончить, мне еще два года до диплома, звание – внеочередное, диплом получу на общих основаниях, сдам вступительные в аспирантуру, но темы пока нет. Надеюсь, что будет. Наметки есть.

– Ладно, посмотрим! Красивая девочка. Сложностей не будет?

– Будут, но мы оба готовы к этому. Но это разговор не сегодняшний. У нас путевка на «Кавказское побережье». И есть курсовка туда же.

– Нет, в августе там невыносимо, мы в октябре поедem. Ника, чем могу помочь? – завершила разговор мать. На сколько Сергей понял, мама полезла немного не туда, завязав разговор о матери Ники. Имелся у нее такой пунктик в характере: любила поднять вопросы, ради которых и наклоняться не стоило. Но, этот вопрос был решен и заблокирован еще ранее. Скорее всего, Ника не стала встречаться с одноклассницами, чтобы сведения о празднике не просочились в Тбилиси. Тот кружок очень узок, и все на виду друг у друга. Через двое суток началось их свадебное путешествие. Все проблемы и нерешенные задачи остались в Питере. Родители решили провести пару недель в музеях и дворцах города, видимо с каким-то умыслом, но Нику и Сергея этот вопрос не слишком волновал. Темно-синяя «тройка» летела в сторону теплого моря и брызг шампанского Абрау-Дюрсо. Они были молоды, счастливы и довольны собой, и судьбой. Еще не зная толком, что их ждет впереди.

Глава 5. Неожиданный поворот событий

Еще в августе, прямо на свадьбе, удалось «закрыть» вопрос с секретностью: замначальника «особого отдела» Военно-Морской Академии оказался вполне понятливым подполковником береговой службы, и к моменту возвращения из отпуска тема было загрифована. Ника продолжала находиться в отпуске, и всю готовилась к защите, но заявление уже подала и переходила на кафедру общего высшего образования заместителем начальника кафедры (замзавкафом, если по-граждански), но утвердят ее только после защиты. Сама защита вызвала некоторое недоумение у академик Фаддеева, который ожидал несколько большего, но Ника почти слово в слово повторила тот доклад, который был прочитан ею в мае, добавив в него кое-какие мелочи.

Людвиг Дмитриевич, выступая как оппонент, указал, что надеялся услышать гораздо большее, в первую очередь о новых категориях, но члены комиссии ВАК, которые уже отметили, что диссертантка поменяла фамилию и находится в интересном положении, лишь улыбнулись, ведь молодо-зелено, и своя рубашка ближе к телу.

– Нам кажется, что Вероника Федоровна гораздо лучше подготовилась в защите, чем она была готова к ней в мае месяце. Появилась уверенность, убежденность. Стоит отметить

и возросшую научность материала. Исчезли некоторые шероховатости, которые мы наблюдали в старой редакции работы. Изменился сам подход к решению этой сложной задачи. Она выросла как ученый, и впервые отметила, что сейчас речь идет о практических экспериментах, которые докажут наличие пятимерного пространства-времени. Вы можете это подтвердить, Вероника Федоровна?

– Да, найдена модель, которая может послужить основой для проведения экспериментов в движении. Увы, этим крайне заинтересовались в одном очень серьезном ведомстве, которое предложило продолжать эти работы там, а не под эгидой Академии наук. Вот постановление Комитета Государственной Безопасности, датированное 1-м сентября текущего года, что данная диссертация открытой публикации не подлежит. Дальнейшие исследования в этом направлении будут проходить в лабораториях Военно-Морской Академии, где, собственно, и зародились методы расчетов этих категорий. К моему сожалению, Людвиг Дмитриевич, я не могу показать Вам применяемые нами способы расчетов этих спектров. Это – военная тематика.

– Ну, вот так вот всегда! – всплеснул руками академик, – Чуть что забрезжит – появляются военные и начинают говорить нам о том, что нам кто-то чем-то угрожает. Но чем угрожает – мы не скажем, это секретные данные.

– Людвиг Дмитриевич, еще 12-го мая Вам было отказано в публикации работ Старинова по причине их секретности.

Мы подошли к этой теме с другой стороны, а это уже используется военной наукой.

– Я понимаю, но, мне очень жаль, что открытие мирового уровня оказалось под замком! Тем не менее, Вероника Федоровна, сам доклад прозвучал гораздо увереннее. Вы получили какие-то подтверждающие результаты?

– Разрешите я промолчу?

– Конечно! Примите мои поздравления!

Ника не могла сказать о том, что с помощью инерциального стола, мы задали 36 точек с известными пятимерными координатами, описывающие положение на нем небольшого объекта весом в один грамм. Копейку, обыкновенную медную копейку, которую переместили на сутки вперед. Она исчезла и появилась там же на следующий день, ровно через сутки и две секунды. И мы теперь ломали голову: откуда взялись эти две секунды? Были и еще проблемы, на месте нами были обнаружены мельчайшие частички металла, которые оказались «срезаны» из-за излишне точного «описания» объекта. Требовался иной способ, гарантировавший полное перемещение объекта, плюс искали способ отправки в минусовую область и как возможность «обратной доставки» посланного. Пока ответов на эти вопросы не было. Жаль, что «стол» находился в училище и требовал весьма специфического питания в 380V/400 Hz. В феврале их стало трое, родился Сергей Сергеевич, опыты были временно прекращены. У самого Сергея и Георгия хронически не хвата-

ло времени, так как их обоих нагрузили внести изменения в программу изучения их дисциплины, а это поволокло за собой целый сонм проблем. Попыты возобновились только после выхода Ники из декрета и отпуска по рождению ребенка.

Прошел год и четыре месяца с момента защиты Ники, неожиданно в училище приехал курьер, доставивший Сергею пакет, в котором находилась повестка из «Большого дома». Его он вызвал с кафедры через наряд на КПП.

– Машина нас ждет. – сказал он.

– Я должен сообщить на кафедру.

– Дежурный!

– Мичман Салтыков!

– Пошлите еще раз вахтенного на кафедру, и сообщите, что товарища лейтенанта вызывали в Комитет Госбезопасности.

– Есть, а по какой надобности?

– По государственной надобности, товарищ мичман. Поехали!

Они сели в «черный воронок». Спрашивать у курьера было бесполезно. Так, потрепались ни о чем. Откровенно говоря, Сергей не понимал причину этого вызова: в работах Ники он официально участия не принимал. Они на разных кафедрах, он только предоставил ей возможность использовать «стол», достаточно модернизированный, по отношению к стандартным столам на подводных лодках. Этот стенд поз-

волял задавать любое положение лодки в любых земных координатах. Даже «в степях Украины» или в Кордильерах, произвольно. Служил для имитации производства ракетной атаки. Время и скорость движения можно было задавать программой. Хороший тренажер, аналогичный стоял на 1-й и третьей кафедрах. Был такой и на кафедре кораблевождения. В самом «большом доме» находилось не КГБ, а МВД Ленинграда. Комитет Госбезопасности находился в паре зданий от него, тоже на Литейном. Туда его и привезли. Обыскали. Но каких-либо опасных предметов не обнаружили. Минут десять пришлось чего-то ожидать, затем его пригласили пройти в кабинет, в котором находился незнакомый полковник КГБ. Пошли вопросы, которые, в основном, касались службы в бригаде. Он даже подумал, что там что-то произошло, но какое он имел к этому отношение? Он ни с кем не переписывался. Поставил на этом большую жирную точку, и почти не вспоминал о том, чем приходилось заниматься. Тем более, что подписку о неразглашении этих данных он подписывал, о чем он и напомнил полковнику.

– Соответствующий допуск я имею. То, что Вы об этом помните, это хорошо. Ваша кандидатура отобрана для выполнения задания особой важности. Вас рекомендовали подполковник Мосолов, майор Холбаев, капитан Никифоров и другие офицеры вашей бригады.

– Я, вообще-то, службу там закончил, пишу диплом в училище, через три с половиной месяца у меня его защита. И

сыну еще нет года. Никакого смысла принимать это назначение у меня нет.

– Да, конечно, у всех свои дела, служба, карьера. Не хотел тебе напоминать, «Гюрза», не думал, что придется это делать, тебе позывной «Волопас» знаком?

– Знаком.

– И что ты мне тогда говорил, когда смог выйти и вывести своих.

– «Понадоблюсь – зовите, прикрою».

– Вот я тебя и позвал, мне нужно войти и выйти. Но так, чтобы людей не потерять. Поэтому и обратился. Не на прогулку мы собрались. Людей, с таким опытом, как у тебя, у нас раз-два и обчелся. Девять выходов, и все без потерь. Так что, отказа твоего не приму, перестану считать тебя за бойца.

– А как же училище? Три с половиной месяца осталось? Пять лет коту под хвост?

– Завтра тебе этот диплом выдадут. Куда хотел распределиться?

– Я на второй кафедре в училище служу, в штате, преподавателем.

– Но это же временно: до окончания училища. Куда хотел бы?

– Вообще-то, я хотел остаться в училище, в аспирантуре.

– Пойми, тебе здесь боевые не положены.

– Тогда в седьмую дивизию АПЛ, Видяево, Заплица, Западная Лица.

– Это – другое дело. – полковник взял какой-то справочник, полистал его, набрал телефон, представился:

– Полковник Бояринов, начальник курсов усовершенствования офицерского состава Комитета Государственной безопасности СССР. Соедините с начальником училища. Здравия желаю, товарищ вице-адмирал. Есть необходимость встретиться в ближайшее время, хотим временно забрать у вас одного человека, лейтенанта Старина. Я понимаю, что учебный план, защита диплома, присвоение очередного звания. Имею приказ, подписанный высшим руководством страны и согласие самого лейтенанта. Хотелось бы оговорить некоторые условия... В течение часа... Со мной приедет. До встречи. – полковник повесил трубку, и показал Сергею на дверь.

По дороге полковник молчал, Сергей тоже не слишком рвался разговаривать. С адмиралом встретился только полковник, а он сидел в приемной. Через некоторое время туда зашли два заместителя, в том числе, строевого отдела. Вышли, косо посмотрели на лейтенанта, помотали головами и вышли. Через некоторое время вышли начальник училища и полковник КГБ. Адмирал протянул руку.

– Все это так неожиданно, совершенно по-другому представлялась Ваша дальнейшая служба. Представление на присвоение очередного воинского звания мы направим, остальные документы направим на Северный флот. Что могу пожелать? Ни пуха, ни пера! Возвращайтесь.

– К черту, товарищ вице-адмирал, постараюсь.

– Вы на сегодня свободны, документы будут готовы с самого утра. Желаю успехов.

В коридоре Бояринов приказал после получения бумаг захватить на Литейный, а там он его отпустит собираться до вечера, в 01.05 у них поезд на Москву.

– Ты что, не мог настоять? Зачем ты это сделал? – заплаканные глаза жены совершенно откровенно говорили о том, что он совершил глупость. Собственно, какое ему дело до того, что будет думать о нем какой-то полковник? Но он помнил тот злополучный разведывход, когда все пошло совершенно не так, как требовалось. Вокруг джунгли, каратели, и только этот самый «Волопас» передавал координаты выхода из ситуации, наблюдая за ними через какую-то непонятную систему, скорее всего, через спутники. Через трое суток, разведгруппа вышла к своим, когда сил уже не оставалось. «Фронт имени Фарабундо Марти» отсек преследующий их отряд американских «котиков». Без Волопаса они, скорее всего, не вышли бы. Сейчас он подбирает себе спецов. Зачем? Об этом не было сказано ни слова.

– Да, не волнуйся ты так. У него приказ, подписанный всеми.

– Ты этот приказ видел?

– Нет.

– А уже сунул туда голову.

– Он мне и моим ребятам жизнь спас. Первое, что я сделал, это отказался. Я же его лично не знал, теперь только познакомились. Ты еще полгода в отпуске, мне сказали, что ненадолго, к Новому году вернемся.

– Не нравится мне это! Совсем не нравится.

– Ник, это – служба. За мной специально приезжали. Больше я никого не видел.

В этом Сергей ошибался: вместе с ним в Москву ехало еще четыре офицера КГБ и два пограничника. Два полных купе. Остаток февраля, весь март и начало апреля их гоняли на курсах как никогда. Ну, было сложнее, в Гайжюнае, в первые два месяца, но все равно не так интенсивно, как здесь. В конце апреля их соединили с еще тремя группами офицеров, среди которых были в основном киргизы, узбеки и таджики, но была поставлена задача проверить их подготовку и вынести вердикт на дальнейшее использование этих людей. Двое отбор не прошли. Затем все переоделись в общевойсковую форму, причем, ношенную. Им выдали командировочные удостоверения, и была поставлена задача отобрать в частях и соединениях двух среднеазиатских военных округов 600 человек-добровольцев. Отобранный личный состав командами направлять в Азад-Баш. И времени дали совсем мало. Самому Сергею приказали отбирать альпинистов и горных туристов, причем, единственному из всех, отдельно от остальных офицеров и прапорщиков. Все остальные тоже получили какие-то «индивидуальные» задания, но, кто кого отби-

рает, было засекречено. «Своих» тридцать человек Сергей скомплектовал в 111-м парашютно – десантном полку, причем, там было очень сложно отбирать людей: полк выводили из Средней Азии, и поговаривали, что его переформируют в бригаду и отправят в ГСВГ. А это – Германия, за граница! Пришлось малость раскрыть тайну, что он набирает людей тоже за границу. Но он и сам точно не знал: куда. Соседняя кадрированная дивизия, в/ч 77701, подкинула недостающий контингент. И в тот же день спецрейсом их вывезли в Чирчик, а там полигон, и все бегом, да по колючкам. После отсева, естественно, он был, осталось 485 человек рядового и сержантского состава. Командование над батальоном принял майор Холбаев, но в тот же день прилетели офицеры из Москвы, Сергею приказали переодеться в форму старшего сержанта ВДВ, выдали военный билет, но его удостоверение полетело вместе с ним в Баграм, где он, в составе группы солдат и офицеров 111-го парашютно-десантного полка и КГБ провел рекогносцировку местности. В том числе, на предмет вскрытия системы обороны объекта. Через Баграм, с Северного Кавказа прилетел Бояринов, и с ним 15 человек. Ночью Сергея разбудили, вновь приказали переодеться, теперь в форму Афганской армии, и на армейском грузовике они выехали в Кабул. Случилось это 4-го июля, в ночь на пятое. Всего их было 10 человек, жили они в здании русской школы, закрытой на ремонт. Днем большая часть людей занималась ремонтом школы, часть людей ездила по рынкам и мага-

зинам, закупала необходимые для ремонта материалы, продукты, то есть, выглядела обычными работягами, со следами извести, раствора и прочих атрибутов строителей-шабашников. «Бригадиром» был сам Бояринов, который и раздавал задания на все поездки. Требовалось провести рекогносцировку и здесь, а городишко совсем не маленький, и объектов в нем была куча! Ремонт «затягивался», людей катастрофически не хватало. Затем прибыло еще 24 человека, тоже с курсов УОС, которые подключились к этой работе. Начиная с конца августа начало поступать вооружение. Спали урывками, составляли планы «объектов», рассчитывали маршруты движения, а это восточный город со своими «прибамбасами». В октябре удалось вырваться в командировку в Ленинград, откуда требовалось привезти кое-какие спецкомплекты. Ввалился домой, загорелый до черноты, как будто прямо с пляжей Черноморского побережья. Сын, который научился ходить без него, сел на задницу и заревел. Ника бросилась на шею.

Чуть позже она сообщила о том, что им «заменяли» загрузочный диск на «Эппле».

– И кто?

– А вот этого я не знаю.

– Это мог быть посланец единственного в мире человека, который знаком и с «Apple», и с тем, что у нас есть такой. Кому-нибудь говорила?

– Нет, через три дня диск вновь заменили.

– Когда это было?

– Две недели назад.

– Я тут, по своим каналам, настрою систему безопасности.

– Не возражаю, а то мне жутковато стало здесь находиться.

ся.

Пришлось обратиться к «куратору», в каждом городе, каким-то образом, связанным с операцией «Байкал-79», существовал человек, который занимался любыми возникающими проблемами. В частности, через него Сергей должен был получить снабжение, доставить его на аэродром в Пушкине и улететь обратно.

– Тащ полковник, есть вопрос, немного личного характера.

– Ну, личный, значит, личный.

Выслушав Сергея, он куда-то звякнул и попросил кого-то подойти.

– Так говоришь, что имеет допуск «три нуля»?

– Да, ее докторская диссертация имеет такой уровень доступа. Откуда у нас эта ПЭВМ – я вам уже говорил, причем, идет именно подмена, причем не стесняются заносить ее обратно. К сожалению, система имеет закрытый код программ, но, объем информации на диске увеличился. Какую-то дополнительную программу там поставили. Жена не настолько хороший специалист по ПЭВМ, я – тоже не программист. У меня есть человек, который с этими штуками на «ты», но

привлекать его мне бы не хотелось.

– Супруга управится с охранной сигнализацией?

– Конечно, она – физик, доктор наук.

– Ну, доктора у нас разные бывают. Адресок черкни. И забирай документы, и вперед! Не волнуйся, передам это человеку, который занимается именно охраной. Все сделаем сегодня же.

Заскочив домой, было по дороге, Сергей передал информацию, что к ней придут из «конторы глубокого бурения», а сам он уже вернуться не сможет. Ника наморщилась, но в слезы не ударилась. Она так и не узнала того места, где находится супруг. Еще не время, и письма не отправить, и позвонить невозможно. Все и вся «под колпаком у Мюллера». А академик не успокоился! Впрочем, вполне возможно, что это и не он, а кто-то из его окружения. А может быть действует и чужая разведка, так как в научной среде у нас «общечеловеков», как грязи в грязелечебнице. Ника пока на работу не выходила, в деньгах они не нуждались, возможность сидеть дома у нее была. В Ташкенте его пересадили на обычный аэрофлотовский Ту-154, в гражданке и с обычным загранпаспортом, только на чужое имя, инженер-строитель. По этой легенде и прилетел обратно. Теперь у него несколько сменилось задание: часть подчиненных ему людей были обычными строителями, ну, а основной коллектив занимался своей основной работой. Зато обросли автотехникой, и еще больше замаскировались. Но, все мысли его, как только

выдавалась свободная минутка, улетали в Ленинград. На что обратил внимание Бояринов.

– Ты, что-то, сам не свой прилетел из дома. Что-то случилось?

– Так точно, я же говорил, что у меня «своя операция» идет. И там не все так хорошо, как хотелось бы. Пришлось задействовать подполковника Москвина, который нас там ведет. Но информации нет, поэтому места себе не нахожу.

– Ладно, задам вопрос по своим каналам.

Через некоторое время подошел и попросил пройти с ним в его кабинет.

– Дело серьезное, на хвосте у твоей супруги висят американцы. Но пока чисто. Соседи у вас поменялись в двух квартирах. Так что, не волнуйся, второе главное управление свое дело знает, держит дело на контроле. Вот только, тебя отзывают. Первое главное управление, его структуры «Т» и «РТ» настаивают на твоём отзыве.

– Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти?

– Ты, действительно, сделал все главное, все, что мог. Осталась только боевая часть, конечно, я бы хотел, чтобы ты возглавил группу, которая пойдет через стену. Ничего, вместо меня пойдет Козлов, он справится, а я возьму твою группу. Езжай, заказывай билеты, и лети. Мне, кстати, приказали охранять тебя и одного никуда не отпускать. Что же ты там такое придумал?

– Пока ничего особенного. Это не я, это моя Ника – бо-

гиня пятого измерения.

– Мы с ней так и не познакомились. Не смог я подойти и сам сказать, что забираю ее мужа, по своей прихоти, и потому, что он – лучший из всех. Ладно, наверстаю, недолго здесь сидеть осталось.

Разговор состоялся 8 ноября, 12-го Сергей прилетел в Питер, а ровно через месяц 4-й батальон 15-й бригады специального назначения, который с конца июля, вместе с первым батальоном 111-го гвардейского парашютно-десантного полка 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, охранял аэродром в Баграме, выдвинулся в Кабул и занял вторую линию обороны вокруг бывшего королевского дворца. Ночью должен был тихо умереть в постели Амин. Но этого не произошло, заболел и был вывезен в Москву на лечение только его брат. Разработанная операция сорвалась.

Глава 6. Активная часть экспериментов

Сергей, который находился в очередном отпуске, сидел дома, так как Ника только-только вышла на работу. О ней, вежливо говоря, вспомнили, что тема стоит. Почти два года – это абсолютно никого не волновало. А тут – зашевелились. Ребенку предоставили место в яслях. И вдруг на столе на кухне появляется тетрадь, которую Сергей хранил у себя в правом ящике стола. Сверху записка: «Убери куда подальше, у нас проверка из „Большого дома“». Этот фокус они проводили четвертый или пятый раз, вычислив координаты нескольких подобных мест в квартире, среди которых были кухонный стол, диван в большой комнате, новая кровать в большой спальне, стол в зале, туалет и ванная. Отправлялся теперь не сам предмет, а некий объем, чтобы не повреждать пересылаемые вещи и не создавать шума: если предмет появится на расстоянии от опоры, то он упадет. Проверки «ОО» редко, но бывали, просто это было небольшое нарушение режима, тетрадь была не зарегистрирована, не прошнурована, и хранилась не в сейфе. Ну, а пользоваться машиной они только учились. Используемые спектры годились только для местного пространства-времени, но транспортировка в нем не вызывала перегруза сети питания, не сопровождалась громкими звуками. Немного обдавало холодом

и над этим местом несколько секунд струился туман. Чем меньше зазор между объектом и заданными координатами, тем незаметнее был этот эффект. Чистая газогидродинамика: когда из замкнутого объема на огромной скорости исчезает какой-то объем, то возникает разрежение, воздух в этом случае ведет себя как смесь газов, пары воды превращаются в иней или туман. В зависимости от перемещаемого объема. Если объект достаточно большой, то может образоваться небольшая лужица и достаточно сильно ударит по ушам. После этого Сергей Нике сказал, чтобы никогда не использовала телефон, чтобы уточнить результаты. Переслала? И бог с ним! Приедешь домой и узнаешь результаты. Через пару дней в спальне появилась взъерошенная белая лабораторная мышь. Слава богу, в маленькой клетке, ловить не пришлось! Нуль-транспортировка оказалась доступной для живых существ.

– Ника, – сказал жене Сергей, – помнишь наш разговор перед свадьбой, где ты мне обещала, что всегда будешь слушаться меня во взаимоотношениях с внешним миром?

– Да, конечно, такое обещание я давала.

– Пришел этот момент. Никаких записей о перемещении живых существ во времени не должно быть записано в журнале.

– Сереж, а я записала!

– Умная голова сама себе могилку роет! Мышку мне при-

дется надуть и разорвать изнутри, с помощью ВВД ⁴. Впишешь именно этот результат, приложишь такие фотографии. Есть биологический запрет на эти действия.

– А если прихватят, потребуют провести опыт при них?

– Чуть уменьшаешь размеры объема, и получаешь «мышку без головы».

– Так ведь голова останется на «столе»?

– Что-нибудь придумаем, сейчас ничего в голову не лезет, требуется переключиться на «досрочное возвращение объекта». Иметь кнопку возврата, с поправкой на прошедшее время. Это гораздо сложнее, чем «вульгарное» перемещение на сутки вперед и ожидание появления. Забросив человека на 30–40 лет вперед, мы замучаемся ждать его возвращения. За это время объект может и помереть.

– Вот с этим я согласна. Но мышку, пожалуйста, без меня. Мне достаточно фотографий того, что ты сделаешь. Совершенно точно, что меня и с них стошнит.

– Да, докторишкой Айболитом тебе не быть!

– Я уже доктор, правда, зовут меня немного по-другому. Что будем делать на Новый Год?

– Ох, да, осталось четыре дня. Давай куда-нибудь смотаемся? Хочется провести его на природе. В Золотой долине, например. Там ребята здорово всё это организовывают. Да и пора тебя и Сережку на лыжи ставить. Завтра съезжу на Новоизмайловский, в «комок», попытаюсь добыть тебе и ему

---

⁴ Воздуха Высокого Давления

лыжи.

– Мне больше нравится ездить у тебя за спиной. Надежно и не боюсь упасть!

– Вставать на лыжи – это совсем другое. Сама почувствуешь, начнутся каникулы, отпросимся на Чимбулак, там я тебя за неделю на них поставлю, но это после Нового Года.

– Тогда не трать деньги, сам праздник проведем у папы на даче, тоже природа, и рядом Воронья гора, сам покатаешься, а мы рядышком на санках. Сессия завершится, и рванем в Алма-Ату.

– Договорились. Давай возьмем коляску и пройдемся. Смотри, какой снег валит! Самое время пройтись, пусть Сережка воздухом подышит.

Предложение было принято, они прогулялись по набережным рек и каналов Петроградской стороны. Сергею было несколько тревожно, так как радио и телевидение молчало о том, что происходит в Кабуле. Первоначальный план сорван, но он знал, что командование на этом не остановится.

Двадцать восьмого раздался длинный междугородний звонок, который почему-то как наждаком прошелся по нервам вдоль позвоночника.

– Слушаю!

– С Вами будет говорить Ташкент. Ожидайте. – раздался женский голос из трубки. Какие-то щелчки, прошло около полминуты, прежде, чем он услышал:

– Аллё, Ленинград?

– Слушаю.

– Сергей?

– Да, я.

– Это «Хан», «Гюрза». Сидим на пересадке, подбирайся в Москву, билет тебе забронировали, вылет в 13.15, подойди к коменданту. Тебя встретят. До встречи. – И отбой. Не слишком много слов сказано. Опять что-то не так. Сережку не забрать, пришлось звонить на кафедру Нике.

– Мне приказано вылететь в Москву.

– Когда?

– В тринадцать часов, вернуться и забрать ребенка не успею.

– Но ты же в отпуске, когда они оставят тебя в покое?

– Не знаю, что-то идет не так, как требуется.

– Ладно, лети, я успею забрать сына.

Сергей прыгнул в метро, затем пересел на 39-й, зашел к военному коменданту.

– Вот билет, посадка уже началась. Пройдемте к стойке регистрации.

Там комендант что-то шепнул на ухо девушке за стойкой. Ему быстро хлопнули штамп на билет, и комендант сделал знак ему следовать за ним, и быстрее. Сам сел в свой дежурный автомобиль и подскочил к самому трапу.

– Счастливо! – буркнул он, и уехал. Чисто армейская веж-

ливость. К чему такая спешка – совершенно непонятно, но делать нечего, неужели придется лететь обратно? В аэропорту Внуково его встречали трое. Одного он знал, он из управления «Т», научно-техническая разведка, прилетал в Ленинград и беседовал с Сергеем. Но повезли не в управление, а в Шереметьево. Машина представителя «Т» по дороге отстала, он, видимо, просто присутствовал при «передаче его тела» другому управлению: «С», отвечавшему за нелегальную разведку. Их пропустили на летное поле, и они подъехали к трем «туристическим автобусам», стоявшим у одной из стоянок.

– Кажется сел, вон он. – по ВПП катился и отрабатывал реверсом Ил-62. Свернул на рулежку, и покатился к ним. Затормозил, развернулся, поревел двигателями, заглушил их и выпустил кормовую стойку, компенсирующую нарушение балансировки при высадке пассажиров и обслуживании. Поданы два трапа, один из которых не совсем обычной формы. К нему подъехало сразу четыре «Волги-2402», с красными крестами. Доставили раненых, вот и причина спешки.

– Идите в автобус, товарищ старший лейтенант. – сказал один из сопровождающих. Сергей вошел в пустой первый автобус и сел справа на кресло перед дверью, но пришлось вставать и уступать место «Хану», раненному в ногу.

– Садись, Сережа, не помешаешь. Григорий Иванович погиб. Пуля в шею, есть подозрение, что от своих прилетело.

– А чего вдруг обо мне вспомнили, меня же вывели.

– У нас, как только пряники начинают раздавать, вперемешку с клизмами, так вспоминают всех. Вон Колесник, из ваших, он и вспомнил о тебе, из ГРУ, зам Ивашки. Его «рукой водить» поставили. Такой бардак получился. Двадцать «холодненьких», больше всех у десантников.

– Каких десантников? Мы же их не готовили!

– 9-я рота третьего батальона 345-го полка была передана на усиление. Восемь «холодненьких». Сейчас будут искать виноватых.

– А чего их искать: я, знал об операции все, и уехал.

– Ну, не уехал, а отозвали. У меня вот здесь бумаги, которые Иваныч подготовил на всех. Там он очень высоко оценивает твою работу по подготовке «Байкала».

– Да, товарищ кап-раз, кто на них сейчас смотреть будет? Готовили одни люди, а проводили совершенно другие, почему не повторили «Х-13-ть», ведь самый надежный и тихий способ?

– «Объект» паниковать начал, вместо него прислали из Москвы какого-то «чистюлю», который отказался, категорически. «Я – врач, а не убийца». Идиоты! Вербовать требовалось в Москве и посылать с конкретным заданием. В общем, пришлось штурмовать.

Тут вошел полковник Колесник, сел рядом, через проход, и разговор пришлось прервать. Они с Сергеем знакомы не были. Да и знакомиться он не рвался, старший лейтенант великолепно подходил на роль козла отпущения.

Стоял солнечный довольно морозный день, в прошлом году в Питере декабрьские морозы доходили до 33–36 градусов, так что даже газ еле теплился. В этом году дедушка Мороз трещит в Москве. В дом на Лубянке их запустили через ворота во внутреннюю тюрьму. Плохой знак, но это на самом деле ничего не означало. Этим входом пользуется и самое большое начальство, чтобы не вылезать из машины на улице. Автобусы не доехали до «зоны особого контроля». Все вышли, трем человекам предоставили кресла для перемещения и выделили по паре прапорщиков помочь им добраться. Второй этаж, довольно большой зал, с чуть наклонным полом и большим числом кресел. Сцена, но без театральных занавесей. Президиум и трибуна. Обычный зал для заседаний. Он не сильно подходил для разворачивающегося действия, но, видимо, другого здесь не было. Эвальда Григорьевича в зале не было. Из хорошо знакомых офицеров здесь находилось 26 человек, с половиной которых он поздоровался еще в автобусе. Вторая половина сделала это в зале и во дворе, когда высаживались из автобусов. С остальными Сергей лишь коротко виделся в Кабуле и Баграме, проводил вводный инструктаж. То, что он – моряк, большая часть людей даже не знала. Они все были в полевой форме, он единственный был в парадной. Появился «человек из управления „Г“», который встречал его в аэропорту.

– Начальник главного управления просит вас подойти.

Они поднялись на четвертый этаж, его проводили к этому самому начальнику. Тот был в гражданке.

– Сергей Петрович, Вам же русским языком объяснили, что вы должны, обязаны сообщать обо всех вызовах подполковнику Каменскому из ленинградского Управления. Почему вы прилетели в Москву на это заседание. – он именно так и сказал.

– Извините, мне забронировали билет и у меня было всего полтора часа до вылета. Телефоном для связи с товарищем Каменским меня не снабдили.

– Наша недоработка. Что ж, пройдем к месту трагикомедии.

У начальства здесь существуют лифты, так что назад вернулись быстрее, чем поднимались сюда, но прошли не в общий зал, а вошли в кабинет за две двери до зала. Приёмная, с дежурным офицером, который замахал рукой, запрещающая вход.

– Нет-нет, нам туда. – ответил начальник управления и показал свою удостоверение.

– А этот?

– Этот со мной.

– Там – сам.

– Я в курсе. – ответил начальник и тихонько открыл дверь. Лысоватый человек в очках ходил по кабинету и что-то говорил. Среди присутствующих сидел и генерал армии Ивашутин, с которым Сергей трижды встречался во время службы.

– Что у вас, Юлий Сергеевич? – не слишком довольным голосом спросил Юрий Андропов.

– Нарушение режима одного из наших подопечных. Его вызвали сюда по этому поводу. – начальник управления протянул какую-то бумагу Председателю КГБ. Тот взглянул на нее.

– Это – он?

– Так точно.

– Ну, мы, вроде как, уже разобрались с его ролью в операции. Товарищ Старинов, это чертили вы?

– Подпись моя.

– Почему при разработке операции использовался вот этот план? Вы к нему имеете какое-либо отношение?

– Здесь не хватает двух постов, здесь и здесь. Такой вариант плана мне не знаком. Окончательно план операции разрабатывался и осуществлялся уже без моего участия. 10 ноября я покинул территорию ДРА, был отозван первым главным управлением, так как по роду службы имел доступ к государственным секретам особой важности.

– Почему не уведомили командование операции об этом?

– Я ставил в известность об этом полковника Бояринова, но он сослался на имеющийся у него приказ, подписанный руководством страны, в том числе Вами, товарищ Председатель. Полковник Бояринов считал необходимым задействовать меня на всех этапах операции. В результате моего отъезда, он возглавил мою группу захвата, и сегодня его здесь нет.

И уже не будет.

– Земля ему пухом. Вот, товарищи, и капитан I ранга Козлов, и старший лейтенант Старинов, утверждают, что знали о наличии четырех постов в автопарке 2-го батальона, а 9-я рота 345-го полка и группа «Альфа» имели план, на котором два поста отсутствовали. В результате «Альфа» понесла потери, внезапной атаки не получилось, и состоялся прямой штурм позиции «Арк». Подписей под этой фальшивкой нет. Требуется найти того, кто составил эту липу и отомстить за двадцать человек, убитых в этой операции. Что касается Вас, старший лейтенант, представления полковника Бояринова будут переданы на утверждение руководству страны. Вопросов к вам не имеем. Служите дальше, благодарю за службу!

– Служу Советскому Союзу!

Ивашутин поднял руку и условными знаками показал Сергею, чтобы тот подошел к нему.

– Товарищ Председатель! Разрешите подойти к генералу Ивашутину?

– Подойдите. – генерал сунул ему записку, и Сергей сразу вышел из кабинета, где заседала комиссия. Ждать результатов ему не рекомендовал начальник управления, он же запретил встречаться с руководством ГРУ.

– Там все понятно, будут требовать продолжить службу у них. Летите домой и отдыхайте, вы же в отпуске. Где собираетесь проводить Новый год?

– Надо посетить родителей, больше двух лет не виделись, они еще своего первого внука не видели.

– Это безобразие, исправляйтесь, но не забудьте предупредить своего куратора. Вот его телефон. Встретьтесь с ним обязательно, и познакомьтесь. Завтра, например.

Ровно через четыре месяца был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, но из шести человек, представленных к высшим наградам и званиям из непосредственного руководства операцией, звание Героя получили только четверо, командир «Грома» получил только орден Ленина, а Сергею достался «За службу Родине в Вооруженных силах П степени» и очередное воинское звание, которые ему вручили на плацу училища перед парадом на 9-е мая 1980 года.

Они с Никой, которую, кстати, вполне удачно поставили на лыжи, вместе с маленьким Сережкой, придумали способ: как обставить процесс ускоренного возвращения, и кого применить в качестве подопытных животных. Ими стали голуби, которых приучили реагировать на моргание лампочки на пульте, закрепленном на клетке, удар их клюва заставлял однократно срабатывать микровыключатель и активировал систему обратного возвращения. Несколько раз ничего не получилось, и голуби исчезали вместе с клеткой. Потребовалось время, чтобы понять: почему это происходит. Выяснили, что на коротких временных промежутках требуется очень высокая точность вычислений, чтобы попасть точно в

ту точку, где находится «стол», чем больше интервал временной шкалы, тем эти ошибки меньше сказывались. А на коротком проще подождать, чем рисковать. Попыток попасть в прошлое пока не предпринимали. Вычислений было огромное количество, пришлось задействовать и «подарок академика», который и Сергей, и Ника освоили, научились составлять программы, помогающие вычислять, и выводить их на графопостроитель. Училищными вычислительными мощностями они практически не пользовались. «Хвост» довольно давно с них сняли, исполнитель находился в местах не столь отдаленных, а так как работы в Академии пока не начались, так как было доложено, что перемещать можно только неодушевленные предметы, то интерес к работам несколько поутих. Увы, никаких летающих дронов еще не было, видеосистемы были, но имели гигантский вес. И выяснилась еще одна сложность: требовалось очень четко знать высоту места. Иначе можно было и костей не собрать. С окончанием учебного года они несколько интенсифицировали работы, так как времени стало значительно больше. Так как удалось очень неплохо подработать в течение 9-ти месяцев, то надобности идти с курсантами на плавпрактику не было, а желающих приобщиться к прекрасному в училище было хоть отбавляй. Сидеть летом в Питере не слишком интересно, тем более, что весь июль однозначно проведешь в Серой Лошади, где принимают экзамены у первокурсников. А там – комары! Злючие, как собаки!

Но, кафедра общего высшего образования, на которой работала Ника, имела прямое отношение к этому процессу, это входило в их обязанности. Поэтому они приехали туда, и расположились в одном из коттеджей. У Сергея возник некий план, и он начал его потихоньку осуществлять. Чтобы не вызывать подозрений, это были прогулки с ребенком по местным лесам, но, привязанные к линиям электропередач большой мощности. Пропуск в погранзону имелся, супруга до 15.00 находилась на экзаменах, проверках, консультациях и тому подобных мероприятиях. А он не был задействован ни в одном из них, и с утра выезжал с ребенком на прогулку на машине, под стеклом которой был пропуск в эти места. Грибы-ягоды собираем, дышим свежим воздухом, к секретным объектам в виде ЛАЭС, где достраивался 4-й энергоблок, даже и не приближаемся. Требовался фундамент, и не слишком далеко от ЛЭП. И такое место нашлось между Усть-Рудицей и Гостилицами. Деревушка называлась «Черная речка», но это неофициально, вообще-то там никто не жил. Летом на некоторое время сюда заезжали три человека собирать грибы и ягоды, как на полигоне Таменгонт, так и в местных лесах. Зимой жизнь замирала. Что касается дороги от Большой Ижоры до отворота, то, не считая блок-поста, на этой прекрасной бетонной трассе никаких препятствий не было, а блок-пост великолепно открывался с помощью пропуска и удостоверения личности капитан-лейтенанта ВМФ. Удостоверения преподавателя Высшего Воен-

но-Морского училища было, тоже, более, чем достаточно. В Гостилицах вышел на контакт с председателем местного совета, который, пусть и не сразу, но выдал тайну: где найти теперешних владельцев того самого дома, который Сергея заинтересовал. Увы, общаться с синюшным представителем, которым оказался наследник, было не слишком приятно, зато дешево. Перед этим Сергей воспользовался магнитометром, несколько тяжеловатым прибором, который существует в ВМФ, хотя и очень редко используется. В основном на ремонтах турбогенераторов после длительной их остановки. А по соседней просеке в 140 метрах от границы участка шло три линии ЛЭП 770 кV с частотой 400 Hz, и строилась четвертая. Нам столько не требуется, нам 380V хватит.

Но вначале несколько нанятых студентов из работавшего рядом отряда ССО нанесли небольшой ущерб бюджету, заработав на строительстве дома, гаража и мастерской, большую часть кирпича для которых была добыта в лесу под Лебяжьем на заброшенной площадке отстоя локомотивов. Кирпич отличный, трубный! Вторую часть добыл в Таменгонтте, где командиру базы требовалось освободить площадь под строительство какого-то сооружения, и четыре самосвала с кирпичом приехали в Черную Речку. Дабы придать законность возведения «усадыбы», кирпич был куплен и по официальным каналам, но его едва хватило на половину гаража. ССО (студстройотряд) помог приобрести рамы, окна и двери, плюс поставил доски на палубу, то есть, полы во всех

помещениях. Как только Ника освободилась от экзаменов, это последние дни июля, так она занялась привязкой к местности. Несколько раз съездила в училище, перебрасывая сюда предметы, и замеряя отклонения, так как на картах этот, богом забытый, уголок, отображался с намеренными ошибками по обеим координатам и по высоте. Успешно привязали дом, мастерскую и даже гараж с точностью до миллиметра к условной точке.

На кафедре в закромах лежал такой же «стол», часть которого курсанты умудрились сломать несколько лет назад. Там были повреждены приводы, они – бронзовые, отсутствовало несколько СКВТ, при демонтаже ему также были нанесены кое-какие повреждения. Аккуратно подняв вопрос, выяснил, что причина, по которой его не отправили на полный демонтаж, заключается в том, что он не проходит через пару дверей, чтобы его вывезти на утилизацию, а так: мешает, спасу нет.

– А давайте мы его отправим на свалку со стола.

– Он же тяжеленный!

– Но в ту комнату же его вот этой лебедкой забрасывали, по вот этому рельсу.

– Ага! Оно так и есть, вот только стол, который рабочий, не выдержит такой тяжести. Оба ломаем!

– Ерунда, мы его оставим на весу, стропы обрежет в момент отправки, мы же это проверяли, и он уйдет до того, как успеет упасть на новый стол, а для пущей уверенности сюда

козлы поставим.

– Тогда положим его на козлы, и снимем стропы. – сказал прижимистый старший мичман.

Так и поступили, но перед этим Сергей всех выгнал из лаборатории, и сам вышел, потому, как уходил стол довольно сильно «хлопнув дверью», но новый стол был закрыт заранее полиэтиленовой пленкой. Ника сняла прибор на фоне леса, и привезла фотографии на кафедру. Эксперимент был признан удачным, но они не сказали, что «площадка приземления» была заранее подготовлена и обсчитана с большой точностью. Далее работы несколько приостановились, так как требовалось предварительно немного обжить дом и оформить на него документы. А это занимало достаточно долгое время, куча проверок, совершенно ненужных бумажек, но дарственная на дом и участок имелась, наследник отказался от наследства в пользу капитан-лейтенанта, который выписался из квартиры супруги и прописался в Черной Речке. Все было законно, так как ответственным квартиросъемщиком он не был, жил на Большом проспекте, как супруг, а с появлением законного наследника тот решил «проблему с излишком площади» у квартиросъемщицы. Плюс, теоретически, сюда в любое время могла вернуться ее мать, которой могло надоесть жить в солнечной Грузии. Особа она была достаточно легкомысленная, поэтому молодая семья стремилась обезопасить «свою крепость». В дом подвели газ, решили проблему с отоплением, использовав для этого газовую

колонку и сделанный на кафедре автоматики электрогазодоводимый клапан-автомат, с электрозапуском горелки по температуре. Аппаратура прошла проверку и в Ленгазе, и пожарной охране. Усовершенствованная колонка заняла свое место и стала неотъемлемой частью дома. Естественно, что никто не знал истинного назначения мастерской, да и инерциальный стол они никому не показывали. Эксперименты проводить они пока не могли. Требовалось подключиться к мощностям ЛАЭС, прежде, чем это станет возможно. Пока исследования велись в лаборатории и на Большом проспекте. Как уже писалось выше, шли они ни шатко, ни валко, и пока мало кого интересовали. Подумаешь: смогли выбросить на свалку болванку в 700 килограммов весом. Практической пользы от этого никакой.

В сентябре 1980 года Сергей успешно перевелся в аспирантуру Академии имени А.А. Гречко при отделении кораблестроения и вооружения. Увы, несмотря на усилия Новикова, Кожевникова, Сергея и Ники, поднять научный потенциал 2-го факультета, добиться заметного роста успеваемости и обучаемости не получалось. Длительная командировка одного из основных участников этого проекта не дала возможности полностью перейти на обновленную программу обучения. Сменился заместитель главкома, вместо Сергеева им стал Егоров, а он «крылатчиков» недолюбливал из-за малого носимого боезапаса, и тот продавил ликвидацию 2-го фа-

культета во ВВМУПП, с передачей всех курсантов и преподавателей в ВВМУ имени Нахимова, где, в основном, тогда готовили не подводников, а ракетчиков для надводных кораблей и БРАВ, береговых ракетно-артиллерийских войск. Рота, в которой учился Сергей, стала последней 150-й ротой, выпущенной из стен училища. Даже набранный первый курс уехал в Севастополь. Так как в августе они далеко не уезжали, то это решение было им известно, поэтому и форсировали работы по строительству дома, так как Сергей принял решение в Севастополь не ехать, в крайнем случае, уйти на гражданку. В этом случае дом мог пригодиться и для проживания. Ники это не касалось никаким боком, ее «тема» страдала, так как вторым факультетом становился первый, по номеру БЧ, третий оставался третьим, минно-торпедным, а первым стал штурманский факультет. Георгий, который практически был готов выходить на защиту докторской, да еще и получивший неплохую квартиру недалеко от академии, переезжать в Севастополь не собирался. Вместе с ним Сергей «просочился» в академию на прием к замначальника по научной работе. Предъявили тому бумажки о том, что лаборатории в теме должны были задействованы именно «академические», но тема здесь открыта не была, а теперь и вообще, единственный в мире, уникальный стенд собираются перепрофилировать под нужды штурманов.

– Что необходимо?

– Каким-то образом удержать в руках хотя бы одно поме-

щение на 12-й Красноармейской, 40. Пока все эксперименты, а их проведено вот сколько, привязаны именно к этому стенду. Можем сократить помещение, поджаться. Рассматривали такой вариант. Научный совет при Главкоме по-прежнему продолжает финансировать тему, но мы не можем до конца даже треть сметы освоить, не на чем, хотя вот готовый проект стенда, полностью удовлетворяющий всем условиям. Здесь же даже вычислительной машины нет! Чуть ли не вручную считаем и используем «трофейную технику».

– Ну, это как мы, в сороковых... – адмирал, которому давно пора было крыжовник на даче выращивать, чем он, в основном, и занимался, как выяснилось позже, даже заулыбался при воспоминаниях о первых послевоенных годах.

– Что вы от меня хотите? – он поставил вопрос ребром.

– Нас переводят в училище имени Нахимова, где все переполнено и лаборатории нет, и не будет. Здесь остается доктор Старинова, ее не переводят, но лишают полностью шта-та, здесь пока еще существует лаборатория, но ее хотят снести. Все это надо спасти. Я – уже прошел предзащиту, а капитан-лейтенант Старинов заканчивает первый год обучения в аспирантуре ВВМУПП, которую тоже закрывают. Заберите нас к себе, вместе с темой, тем более, что юридически она – ваша, все мы оформляем через вас, но подчинялись руководству ВВМУПП. Я был заместителем начальника 2-й кафедры, а Сергей Петрович – старшим преподавателем. – сказал Георгий.

– Даже старшим?

– У него послужной список, какого ни у кого нет, и три боевых ордена. Последний получен за подготовку ввода войск в Афганистан на нелегальной работе в Кабуле.

– Ну, разведчик он может быть и хороший...

– Боевое Красное Знамя он получил на учениях «Южный щит-77», впервые отстрелявшись «Агатом».

– Так это он там... отличился? А чего он молчит?

– Сказать нечего, товарищ вице-адмирал. Гоняют нас с темой, как вшивых по бане. Только наладили какую-то работу, вот смотрите, насколько поднялась обучаемость, сколько благодарностей привезли курсанты с флотов. «Факультет закрыт! Все ушли на фронт!»

– Жесткая оценка. Ладно, подойдите к капитану I ранга Кобзареву, договаривайтесь с ним, чтобы перезачли вам первый курс аспирантуры, очное отделение. Дайте-ка Ваш рапорт. А тему возьмете Вы, кап-три. Только баб завлабов и научных руководителей нам и не хватало!

– Она – доктор с 77-го года, это ее докторская диссертация, а соавтором у нее – каплей Старинов. Я у них старшим лаборантом подрабатываю.

– Тему в Академии возьмете Вы. Нам запрещено трогать кафедры общего высшего, там и так людей не хватает. Идите, после защиты, того и другого, решим, что с Вами делать.

Ну, хоть какое-то решение, но лабораторию все-таки разгромили, удалось продержаться только до весны, но за это

время Сергей и Георгий, которого полностью ввели в курс дела и подключили к проекту, подготовили все для нелегального подключения к линиям в 400 Гц с помощью катушек индуктивности. Если обнаружат, то по шеям достанется крепко, но другого способа получить необходимую частоту и мощность не было. Впрочем, даже при отправке «стола» потребляемая мощность не превысила 30 киловатт.

И осенью вылезла еще одна проблема: на Черной речке в 41-44-м стоял один из участков фронта. В 6-ти километрах от деревни находился наблюдательный пункт 60-й армии. Выяснилось, что разминирование здесь толком не проводилось. При попытке прокопать канаву для укладки кабеля, полезли мины и снаряды, которыми густо была усеяна вся местность. Пришлось «доставать» миноискатель, немного модернизировать его для повышения чувствительности, и приступать к исследованию местности, очищая ее от всякого взрывоопасного хлама. В ходе поисков был обнаружен почти полностью сгоревший хутор, в углах которого Сергей обнаружил четыре золотых монеты времен Анны Иоановны. Находка навела Сергея на мысль, что, путешествуя во времени, а к этому все шло, потребуются финансы, ведь купюры – вещь весьма условная, вечный эквивалент стоимости – это золото. Существуют ломбарды, где всегда можно его заложить, хоть и по бросовой цене, и получить какую-то сумму где-то на границе соотношения цена-стоимость, но опера-

ции с золотом в СССР-80 приравнялись по уголовной ответственности к валютным операциям, вплоть до смертной казни. Однако, ходили слухи о том, что кое-кто, морально неустойчивый, занимается «черным копательством». Особо ценятся немецкие кладбища и «самообразовавшиеся могилы», то есть, огневые точки, блиндажи и другие сооружения, где много чего интересного можно было обнаружить. А на той стороне реки – была немецкая оборона, которую обстреливали пушки Красной Горки. Блиндажей, разбитых 12-дюймовыми снарядами здесь было достаточно, и эта местность была погранзоной. С минимальным количеством населения. Взяв лыжи, он пробежался по левому берегу реки Черная. Река некогда протекала через несколько деревень: Порожки, Мишелово, Большое и Малое Горлово и Усть-Рудица (имение Ломоносова). Война их совершенно не пощадила. Как до войны называлась эта деревня Сергей выяснил: Мишелово, которая была пожалована адмиралу Сенявину. Вдоль реки проходила рокадная дорога, которая вела в Калище, крайней станции железнодорожной ветки балтийского направления. До войны здесь было шесть или семь старинных усадеб, но теперь только лес. Даже через снег миноискатель пищал очень здорово. Линию немецких окопов он обнаружил в 2,5 километрах от дома в направлении к Верхним Рудицам. Некогда река Лопухинка (это от Лопухиных, княжеский и дворянский род, который довольно долго владел местными угодьями) называлась Рудицей. Руды

здесь есть, и есть даже радоновые источники. Но Сергей высматривал совершенно другое: искал взглядом заваленные блиндажи. Пару таких мест он обнаружил, но разбрасывать снег поленился, просто пометил эти места, чтобы посмотреть их позже. Наметанный глаз остановился на глубочайшей воронке, оставленной явно снарядом очень крупного калибра. Несколько бревен со следами спила, это остатки наката. Он отстегнул лыжи и аккуратно спустился вниз. Летом яма заполняется водой, сейчас вода упала, и обнажила вход в заваленный блиндаж. Поддев ледорубом и лопатой несколько ледяных глыб, он понял, что не ошибся. Каменный «мешок» из пудожского камня, известняка, который достаточно легко извлекался. За час удалось расширить вход, и подкрепить свод бревном из наката. Но, фонаря не было, поэтому «экскурсия» не состоялась. Извлечена была только командирская сумка. К сожалению, почти полностью истлевшая и очень ломкая, она насквозь была пропитана солями кальция. Но, сумка «пищала», внутри было что-то металлическое. А ржавчины видно не было. Поддев сумку снизу ножом, он разложил ее на две части. Бывший владелец оказался коллекционером! Собирал портсигары и зажигалки. Пять одних, и четыре других. Все четыре зажигалки имели корпус из желтого металла, три портсигара были явно золотыми, один немецким, второй, скорее всего, французским, третий имел вензель «А-І» и надпись с «ятями», а два – из очень потемневшего серебра. Позже, через пару недель, Сергей вернулся сю-

да, забрался и осмотрел в блиндаже почти все, но остальное было военным хламом, если не считать серебряной фляги и четырех таких же стаканчиков. Кости были, нашел четыре жетона, несколько перстней, но не имевших никакой ценности. Долго находиться в этой тесной могиле было небезопасно: либо надо расширять и убирать почти полностью сгнивший накат, либо убираться отсюда побыстрее, тем более, что второй раз он пришел сюда после небольшой оттепели и там вновь появилась вода. Третий визит в эту местность закончился абсолютно ничем. Свод рухнул, все было засыпано.

О находке жетонов он доложил куратору, про остальное он промолчал.

– Вы знаете, сфотографируйте их, и мы передадим эту информацию двум немецким консульствам. Где это было?

– Да в погранзоне, недалеко от Соснового Бора.

– Вот этого говорить или писать не надо. Ломоносовский район, и точка. Сразу все четыре?

– Два и два, два были сверху, два снизу.

– Останки были?

– Не видел, там мина была, она меня больше интересовала. Наша, «Я-5», противотанковая, деревянная. Из-за нее и ковыряться начал. Кстати, я их собрал уже штук 80, надо бы их вывезти. Вот, пожадничал, взял по-дешёвке участочек с домом и сараем, а там разминирования никто не проводил, как видно. Район закрыли для посещения, деревню не восстановили.

– Вот телефон, позвоните. Это в Ломоносове, придут. Если что, позывной «Жернов». Получив такой, через час, максимум, будут.

Так как лекции Сергей читать перестал, некому стало, то свободного времени у него было достаточно много, и в основном он занимался делами в лаборатории. Но можно было в любой момент доложиться дежурному и отбыть «в академию», до которой он не так часто добирался. Так что, чаще всего бывал на «даче» три раза в неделю, приезжая либо в четверг вечером, либо в пятницу. В первом семестре Ника могла выехать сюда только на воскресенье, выезжая днем после лекций в субботу. Затем расписание поменялось и у нее появилось два выходных дня. В марте впервые запустили «стол» здесь. К этому времени в училище всерьез заговорили, о том, что помещение, где стоял «стол», пойдет под ремонт и переоборудование. Вот и пришлось рыть, копать, бетонировать, накручивать и изолировать катушки, «доставать» жуткий дефицит в виде мощных магнитов. И организовывать списание и вывоз «ПО-10», который, к сожалению, был сорван в последний момент. Отчетность, сопровождавшая подобные предметы в ДОСААФ, не позволила выполнить задуманное. На акт уничтожения приехал лично председатель аэроклуба, с представителем «особого отдела». Все купола пошли в костер. Но, помог случай: на Вороньей горе появились парапланеристы с французскими куполами NCV.

Но у них не было ранцев! Поболтав и даже прокатившись на таком куполе, Сергей «раскрутил» тему, типа, хочу и всё тут, но с ранцем, показав удостоверение кандидата в мастера по парашюту. Оказалось, что тема уже ушла, так как человек, который их привез, уже вернулся во Францию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.